

eISSN 2311-2468
Том 2, № 15. 2014
Vol. 2, no. 15. 2014

электронное периодическое издание
для студентов и аспирантов

Огарёв-онлайн

Ogarev-online

<https://journal.mrsu.ru>

МИГУНОВА А. С.

**НАРЕЧИЕ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ЛОКАТИВНОСТИ
В ЭРЗЯНСКОМ И ФИНСКОМ ЯЗЫКАХ**

Аннотация. Статья посвящена изучению категории локативности и наречия как одного из основных средств выражения данной категории в эрзянском и финском языках.

Ключевые слова: категория локативности, пространственные отношения, наречие, локализация, местонахождение.

MIGUNOVA A. S.

**EXPRESSING LOCATIVITY BY ADVERBS
IN ERZYA AND FINNISH LANGUAGES**

Annotation. The article considers the locativity category. The author focuses on the adverb as one of the main means of expressing locativity in the Erzya and Finnish languages.

Keywords: locativity category, spatial relations, adverb, localization, location.

Говоря о содержании окружающего нас мира, о движении как всеобщем свойстве сущего, мы не можем избежать употребления такого понятия, как пространство, по той причине, что любое тело, вещь, явление всегда соседствуют с другими предметами и явлениями действительности, обладают протяженностью, т. е. имеют пространственные характеристики.

Пространственные отношения относятся к числу сложных семантических явлений и включают в свое содержание комплекс категориальных сем: предмета, формы, количества и т. д. Так как пространственные отношения соотносятся с самым общим понятием пространства, они также являются наиболее абстрактными и логически самостоятельными по сравнению с наполняющими их субкатегориями локативности, директивности, объемности, протяженности и др.

Семантическая категория локативности в языке представляет собой довольно распространенное явление. Ее тесное взаимодействие с другими категориями закреплено и культурами носителей языков. Финский и эрзянский языки наполнены лексикой с пространственным значением, поэтому категория локативности в данных языках имеет разнообразные средства выражения.

А. В. Бондарко в «Теории функциональной грамматики» дает следующее определение локативности: «Локативность трактуется нами как семантическая категория, представляющая собой языковую интерпретацию мыслительной категории пространства, и

вместе с тем как ФСП, которое охватывает разноуровневые средства данного языка, взаимодействующие при выражении пространственных отношений» [4, с.5].

Локативность представляет собой статический процесс нахождения в определенном месте, или движение, не выходящее за пределы определенного пространства, т. е. движение, не связанное с преодолением пределов некоторого пространства. В ситуациях местонахождения наиболее ярко выражается статичность, которая предполагает «неизменное пространственное расположение предмета по отношению к локуму» [8, с.11]. Главным типом отношений в ситуациях локативности является обозначение протекания событий в пределах какого-либо пространства.

А. А. Абдуллина предлагает следующую классификацию событий, связанных с местонахождением [1, с.43]:

1. Местонахождение / пребывание субъекта: Папа был дома.
2. Действие субъекта: Он рисовал за огромным деревом.
3. Положение субъекта в пространстве: Девочка лежала на кровати.
4. Локализация состояния субъекта: Он был счастлив здесь.
5. Местонахождение / пребывание объекта: У нее была хорошая квартира в Москве.
6. Локализация положения объекта в пространстве: У окна стоял стол.
7. Локализация событий / ситуаций в пространстве: Он провел на войне четыре года.
8. Функционирование предметов: Дверь закрылась за ней.
9. Локализация состояния окружающей среды: По аллеям мела метель.

Использование наречий для выражения локативности связано, прежде всего, с обозначением локализатора. При выражении локализатора наречием особое обозначение локализатора отсутствует. «Локализатор в таком случае подсказывается контекстом или ситуацией [9, с.19]. В. Г. Гак отмечает двойную функцию наречий места. По мнению исследователя, они уточняют локализацию, выраженную существительным, и локализуют предмет, при отсутствии словесно выраженного локализатора [9, с.23]. Наречие является, таким образом, по сути дела вторичным способом обозначения пространственного отношения. По мнению ученого, они уточняют локализацию, выраженную существительным, и локализуют предмет при отсутствии словесно выраженного локализатора [9, с.23].

В рамках «Теории функциональной грамматики» наречия места разделяются на четыре вида:

а) неопределенные наречия, указывающие на всеобщность или неопределенность локализации (везде, нигде, где-то, откуда ни возьмись);

б) дейктические наречия, обозначающие место по отношению к участникам коммуникации: здесь, там, туда;

в) относительные наречия, обозначающие место по отношению к уже известному объекту или месту: спереди, справа, внизу, в другом месте;

г) оценочные наречия, обозначающие расстояние относительно любого объекта: близко, далеко.

Идея статических пространственных отношений находит наиболее эксплицитное выражение, если пространственные наречия сочетаются с глаголами со значением нахождения и положения в пространстве, т. к. глаголы актуализируют сему статического действия, а пространственные наречия обозначают локализатор для этого действия: Кругом лежали игрушки. Однако пространственные наречия могут также сочетаться и с глаголами других семантических групп, таких как глаголы ненаправленного действия, глаголы говорения, глаголы чувственного восприятия и др.: Он уже где-то видел эту женщину. Пространственные наречия могут относиться ко всему высказыванию в целом, не будучи привязанными по смыслу к глаголам: Все здесь было ярче и красивее.

Наречия, функционирующие в качестве обстоятельства места в предложении, могут употребляться в препозиции к глаголу-сказуемому, занимая начальное положение в предложении: Снаружи было холодно и темно.

Пространственные наречия могут использоваться для реализации семы местонахождения без сочетания с глаголами статической семантики.

Наречия места выступают как вторичное средство обозначения пространства в условиях дейксиса [9, с.65]. Неопределенные наречия описывают общие пространственные отношения: статика и ненаправленная динамика: здесь, там, тут, где-то, всюду, везде, повсюду. Особенностью этой группы слов является то, что смысл их становится ясен только при условии присутствия в ситуации, в которой они употребляются, или очень полного ее описания, поскольку они «ориентированы на внеязыковую действительность, отражаемую в содержании высказывания» [6, с.128].

Опираясь на «Теорию функциональной грамматики» А. В. Бондарко, рассмотрим наречия как средства выражения локативности в эрзянском и финском языках на примерах из художественных произведений «Эрзянь цёра» К. Абрамова и «Tulitikkuja lainaamassa» М. Лассила. Проведенный языковой анализ позволил нам выделить четыре группы наиболее частотных наречий, с помощью которых осуществляется реализация категории локативности.

В первую группу вошли неопределённые наречия, указывающие на всеобщность или неопределённость ситуации локализации: фин.: *kaikkialla* ‘везде’, *ei missään* ‘нигде’, *jossakin* ‘где-то’; эрз.: *эрьва косо* ‘везде’, *косоаяк* ‘нигде, где-нибудь’.

1. *Аламос бу эжнемс косоаяк, ды косо тесэ эжнят, маласо лавкаяк арась* [2, с.38]. – Немного бы погреться **где-нибудь**, да где здесь погреешься, рядом и магазина нет.

2. – *Ведь мон аволь косоаяк ульнинь, скал вешнинь, – кармась витеме прянзо Стёпа* [2, с.23]. – Ведь я ни **где-нибудь** был, корову искал, – стал выкручиваться Стёпа.

3. *Эрьва косо ашти Митрий, теке мельсэнзэ, мезе теема, косто саема ярмак Стёпань тонавтомс* [2, с.24]. – **Где бы** ни был Митрий, всё одно на уме (его), что делать, откуда взять денег на обучение Стёпы.

4. *«Jossakin se nyt viipuu, kun ei jo tuo niitä tulitikkuja» antoi Maija Liisa tulla* [13, с.38]. – «Он **где-то** задержался, если не несёт до сих пор спичек» – задумчиво сказала Майя-Лииса.

5. *Asia oli kaikkialla, missä Kukkonen oli sen kertonut...* [13, с.79]. – **Повсюду**, где об этом говорил Кукконен...

Вторую группу составили дейктические наречия, обозначающие место по отношению к участникам коммуникации: фин.: *täällä* ‘здесь’, *siellä* ‘там’; эрз.: *тесэ* ‘здесь’, *тосо* ‘там’.

1. *Тесэ пичетне сэрейть ды видеть, ало ст модась тинге лангонь кондямо, тезэнь а кассы тикшеяк, сон вельтязь неверезь коське салмукссо ды пиче умарьсэ* [2, с.7]. – **Здесь** сосны высокие и стройные, под ними земля как в огороде, здесь и трава не растёт, она покрыта упавшими сухими иголками и шишками.

2. *Тосо сынь кортакиность оргодемадо* [2, с.207]. – **Там** они разговаривали о побеге.

3. *Тесэ кирьпецень покш кудонть икеле зярья ават микинесть пси прякинеть, кельме поза ды лембе медь* [2, с.30]. – **Здесь** перед большим домом женщины продавали пирожки, холодный квас и тёплый мёд.

4. *Siellä se oli Hyvärisen talo, jonne nyt Antti taivalsi* [13, с.16]. – **Там** и находился дом Хювяринена, куда теперь направлялся Антти.

5. *Eihän me olisi ilman porsasta tiettykään, jotta Kaisa elää täällä* [13, с.99]. – Без поросенка мы не узнали бы, что Кайса проживает **здесь**.

6. *Ulkona miehet taivastelivat, mitä katua myöten lähteä* [13, с.67]. – **На улице** мужчины остановились в нерешительности, не зная, по какой улице отправиться.

В третью группы мы включили относительные наречия, обозначающие место по отношению к уже известному объекту или месту: фин.: *edellä* ‘спереди’, *oikealla* ‘справа’, *alhaalla* ‘внизу’; эрз.: *икеле* ‘спереди’, *вить ёно* ‘справа’, *керш ёно* ‘слева’, *ало* ‘внизу’.

1. *Вить ёно аштицясь вайгелень нолдазь автизе кургонзо, мейле кортазевсь: «А содасынек, кият тон ломанесь»* [2, с.187]. – Сидящий **справа**, произнеся звук, открыл рот, потом заговорил: «Мы не знаем, кто ты».

2. *Кери ёно вачказь суликаны банкат, эйсэст краскат, ой, лак* [2, с.54]. – **Слева** положены стеклянные банки, в них краска, масло, лак.

3. *Antti alkoi polvillaan könytä, porsas pyörähteli edessä, poika nauroi ja Antti valitti...* [13, с.49]. – Антти пополз на четвереньках. Поросенок увертывался **впереди**. Мальчишка смеялся, а Антти жалобно сказал...

4. *Jussi istui oikealla ja he muistelivat matkojaan* [13, с.126]. – Юсси сидел **справа**, и они вспоминали путешествия (их).

5. *Heikki istui oikealla kuynäspäät polvien nojassa ja ihmetteli...* [13, с.17]. – Хейкки сидел **справа**, опираясь локтями о свои колени и удивлялся...

В четвертую группу были отнесены оценочные наречия, обозначающие расстояние относительно любого объекта: фин.: *lähellä* ‘близко’, *kaukana* ‘далеко’; эрз.: *маласо* ‘близко’, *васоло* ‘далеко’.

1. *Маря ды Илька аштесть а васоло, вансть, мезе карми тетясь теме* [2, с.20]. – Маря и Илька сидели **недалеко**, смотрели, что будет делать отец.

2. *Маласо аштиця аванть пелев каясь ансяк вейке варштавкс, сеяк капшазь, кивчкадиця ёндо лаци* [2, с.245]. – В сторону **рядом** находящейся женщины он кинул только один взгляд, и тот быстрый, словно сверкающая молния.

3. *Старостась эрясь а васоло, кудозо аштесь проулка чиресэ, ульця порядкостонть аламодо удало* [2, с.193]. – Староста жил **недалеко**, его дом стоял на краю проулка, немного дальше улицы.

4. *Nyt hokasivat Jussi ja Antti, että Kaisa oli puhunut Partasen kanssa ja että nyt oli hätä kaukana* [13, с.104]. – Юсси и Антти смекнули, что это Кайса разговаривала с Партаненом, и что беда от них **далека**.

5. *Lähellä seiso i eräs hölmö kaksitoistavuotias poika kädet housuntaskuissa ja katsella töllisteli Liperin miehiä ihmeissään* [13, с.48]. – **Рядом**, держа руки в карманах, стоял какой-то глупый парнишка лет двенадцати и с удивлением глазел на липерских мужиков.

6. *Hän oli nyt kuin miikalainen kaukana, ja Liperin maitopytyt juohtuivat mieleen* [13, с.133]. – Теперь она была **далеко** как чужеземка, и теперь молочные кадки Липери приходили ей на ум.

На основе нашего исследования можно сделать вывод, что наречие является одним из основных средств выражения категории локативности в эрзянском и финском языках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдуллина А. А. Функционально-семантическое поле локативности в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Краснодар, 1994. – 17 с.
2. Абрамов К. Г. Эрзянь цёра. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1973. – С. 7–440.
3. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М. : Прогресс, 1974. – С. 24–34.
4. Бондарко А. В. Локативность // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. – Л. : Наука, 1971. – С. 5–46.
5. Булыгина Т. В., Крылов С. А. Категория // Энциклопедический лингвистический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – 215с.
6. Виноградов В. А. Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Большая Российская энциклопедия, 2002. – 128 с.
7. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). – М. : Высшая школа, 1986. – 640 с.
8. Всеволодова М. В., Владимирский Е. Ю. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. – М. : Русский язык, 1982. – 264с.
9. Гак В. Г. Функционально-семантическое поле предикатов локализации // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. – СПб. : Наука, 1996. – С. 6–27.
10. Еливанова М. А. Формирование категории локативности в языковой системе детей дошкольного возраста : дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2004. – 218 с.
11. Кочергина В. А. Введение в языковедение. Основы фонетики и фонологии. Грамматика. – М. : Изд-во МГУ, 1979. – 208 с.
12. Мещанинов И. И. Проблемы развития языка. – Л. : Наука, 1975. – 351 с.
13. Lassila M. Tulitikkuja lainaamassa. – СПб. : Каро, 2013. – 320 с.

ФЕДОСЬКИНА Ю. Г.

**ВЫРАЖЕНИЕ СУБЪЕКТА СУБСТАНТИВИРОВАННЫМИ ЧАСТЯМИ РЕЧИ
В ЭРЗЯНСКОМ И ВЕНГЕРСКОМ ЯЗЫКАХ**

Аннотация. В статье раскрывается термин «субъект», определяется его функционирование в финно-угорских и других языках. Также рассматриваются процессы субстантивации различных частей речи в эрзянском и венгерском языках. На материале произведений мордовских и венгерских писателей выявляется выражение субъекта субстантивированными частями речи (прилагательными, причастиями, числительными, местоимениями, наречиями) в рассматриваемых языках.

Ключевые слова: субъект, эрзянский язык, венгерский язык, подлежащее, субстантивация, субстантивированное прилагательное, субстантивированное причастие, субстантивированное числительное, субстантивированное местоимение, субстантивированное наречие.

FEDOSKINA YU. G.

**EXPRESSING SUBJECT BY SUBSTANTIVIZED PARTS OF SPEECH
IN ERZYA AND HUNGARIAN LANGUAGES**

Abstract. The article considers the term ‘subject’, identifies its functions in the Finno-Ugric and other languages. The author studies the substantivisation processes of different parts of speech in the Erzya and Hungarian languages. A study of Mordovian and Hungarian fiction texts showed the expression of subject by the substantivized parts of speech (adjectives, participles, numerals, pronouns, adverbs) in the languages regarded.

Keywords: subject, Erzya language, Hungarian language, subject, substantivisation, substantivized adjective, substantivized participle, substantivized numeral, substantivized pronoun, substantivized adverb.

Субъект – один из главных членов предложения, изучению которого посвящено немало работ в финно-угорском языкознании. Сам термин перешёл в лингвистику из логики. До второй половины XIX века в языкознании господствующим было логическое направление, которое отождествляло грамматический строй языка и логический строй мышления. Поэтому для выражения синтаксических отношений внутри предложения использовались такие понятия логики как субъект, предикат, атрибут и объект.

В последствии в ряде языков термин «субъект» был заменён калькой «подлежащее», в западноевропейской же терминологии он сохранился [2, с.4]. В большинстве финно-угорских языков, в том числе и в эрзянском, употребляется термин «подлежащее». В своей

работе мы используем оба термина. Отметим, что в венгерском языке подлежащее называется *alany*.

В языкознании существует множество определений подлежащего. Опираясь на грамматики эрзянского и венгерского языков [1, с.126-127; 8, с.38], мы также попытаемся определить, что такое подлежащее или субъект. Подлежащее – главный член двусоставного предложения, независимый от других членов предложения и выражаемый формой именительного падежа склоняемых, реже – несклоняемых, слов.

Как известно, средством выражения подлежащего могут выступать различные части речи (существительное, местоимение, субстантивированное прилагательное, местоимение, числительное, причастие, наречие) и словосочетания.

В данной работе мы попытаемся рассмотреть и сравнить выражение субъекта субстантивированными частями речи в эрзянском и венгерском языках. Материалом для исследования послужили художественные произведения мордовских и венгерских писателей, венгерские пословицы.

В эрзянском и венгерском языках в качестве подлежащего чаще всего выступают существительные и местоимения. Кроме этого подлежащее может быть выражено и другими частями речи. Слова других частей речи выполняют функцию субъекта только будучи субстантивированными.

В предложении субстантивированные части речи заменяют существительное. Части речи субстантивируются тогда, когда следующее за ними существительное по каким-либо причинам опускается. Таким образом, субстантивированные изменяемые и неизменяемые слова в функции субъекта будут выступать в форме имени существительного в номинативе, заимствуя у него грамматические и синтаксические свойства.

Далее рассмотрим, какие части речи субстантивируются и выступают в качестве подлежащего в исследуемых языках.

1. Роль субъекта в эрзянском и венгерском языках чаще всего выполняют субстантивированные прилагательные. Известно, что разряд имен существительных увеличивается благодаря субстантивации других частей речи. Наибольшими возможностями субстантивации обладают прилагательные. Они субстантивируются в том случае, если выступают без определяемого ими существительного. Чаще всего прилагательные в предложении являются определениями, сами же при этом не могут быть определяемыми. При субстантивации прилагательное перестает выполнять функцию определения. Оно буквально начинает мыслиться предметно. Рассмотрим следующий пример.

эрз. *Апак учо модась, мерят, чевтемсь, **пижесь** вельтявсь ашосо...* [5, с.4]
'Неожиданно земля словно обмякла, **зеленое** покрылось белым...'; – *Ков, ков саинк*

эйди́нем?! – *серьгедиксэль пайстомось*. [5, с.5] ’ – Куда, куда вы забрали моего ребенка? – хотела крикнуть **несчастливая**’; – *А содан, тевесь тонь, – баягинекс чольдерьгадсь вишкинесь...* [6, с.11] ’ – Не знаю, дело твое, – словно колокольчик прозвенел **младший...**’; *Покикось видьстэ сельмс эзь карма шнамонзо, перька-удалга ёвтась...*[6, с.13] ’**Старший** не стал хвалить его прямо в глаза, вокруг да около говорил...’.

Субстантивированные прилагательные в венгерском языке употребляется вместо опущенного или определяемого существительного; часто перед ними ставится определенный (*a, az*) или неопределенный (*egy*) артикль.

венг. *Egy bolond százat csinál.* ’**Глупый** сотню осилит’ (пословица); *Az egészséges, mint hal a vízben.* ’**Здоровый** как рыба в воде’ (пословица); *Az orvosból lesz a legrossabb beteg.* ’Из врача получится наихудший **больной**’ (пословица); *Más kárán tanul az okos.* ’**Умный** учится на чужих ошибках’ (пословица).

2. Подлежащее также может быть выражено субстантивированным причастием. Субстантивированные причастия – это особый класс имен, который имеет двойственные грамматические свойства. Их особенность заключается в том, что они содержат в себе признаки глагола и прилагательного. При переходе причастий в класс существительных происходит замена их исходного значения. Субстантивированные причастия принимают постоянное предметное значение. Приведем примеры из художественной литературы.

эрз. *Велявтсть ютыцятне. Пуромсть малав.* [5, с.3] ’**Идущие** повернулись. Собрались поближе’; *Тынсь неиде, сон сонсь!.. – Прянзо кундазь чийнесь ветияцьсь.* [5, с.3] ’Вы видели, она сама!.. – Схватив голову бегал **водитель** (досл. ведущий)’; *Кудыкеле марявсть совицят.* [5, с.8] ’В коридоре были слышны **заходящие**’; *Вечкицяцьсь – ёмазь ойме, вана мезе тенк ёвтан.* [7, с.23] ’**Любящий** – пропавшая душа, вот что я вам скажу’;

венг. *A szittyá nemzetet egy uralkodó sem hajtotta igája alá.* [3, с.25] ’Народ сиття ни один **завоеватель** (досл. господствующий) не смог подчинить себе’; *Magyar elnevezése onnan származik, hogy a hívók a nagyböjti időszak után először vehettek húst...* [3, с.70] ’Венгерское название (Пасхи) обозначает, что **верующие** после долгого поста в этот день могут есть мясо’; *Itt nincs rossz tanuló.* [9, с.18] ’Здесь нет плохих **учеников** (досл. учащихся)’; *Nehéz vevő volt...* [9, с.8] ’Плохой **покупатель** (досл. покупающий) был...’; *Az ordítózó tűnjön el a teremből.* [9, с.29] ’**Крикун** (досл. кричащий) пусть выйдет из класса!’.

3. В эрзянском и венгерском языках в роли субъекта выступают и субстантивированные числительные. В обоих языках числительные обычно выполняют функцию существительного, которое по каким-либо причинам опускается.

Отметим, что чаще всего субстантивируются количественные и порядковые числительные. В эрзянском языке при субстантивации числительные принимают показатели

определенности, притяжательности и множественного числа.

эрз. – *Муиде ветерант? – Муинек кавто. Ды **вейкесь** уш кулось.* [5, с.15] 'Нашли ветеранов? – Нашли двоих. Но **один** уже умер'; ***Омбоцесь** кеж эзь сае «лелинекс» лемдеманть кис.* [7, с.11] '**Второй** не злился, когда его называли «лелине»'; ***Кемнилеетне** уш ютасть, кода сынъ эрить башика, а вана Вероникань лангс кежтне кадовсть.* [7, с.26] '**Четырнадцать** (лет) уж прошло, как они расстались, а вот обида на Веронику осталась'; *Вана эдь кода эрси: **веенстнэ** икрадо памшишь, **омбонстнэ** – наксадо кснавдо.* [7, с.27] 'Вот ведь как бывает: **одни** икру едят, а **другие** – гнилой горох';

венг. *Megszamolta az agyakat, **tíz** volt az egyik, **tíz** a másik falnál.* [9, с.14] 'Сосчитал кровати, **десять** было у одной стены, **десять** – у другой'; *A **kettő** azt mondta: „Szervusz, Abigél!”* [9, с.21] '**Двое** сказали: «Здравствуй, Абигель!»'.

4. Для выражения, подлежащего в обоих языках употребляются и субстантивированные местоимения. В качестве таковых выступают указательные и определенные местоимения; в эрзянском языке к ним присоединяются суффиксы определенности и множественности. Проиллюстрируем данное утверждение практическими примерами.

эрз. – *Ков милициятне вануть? Косо эряви, сынъ икастонзо а эрсекинить! – музгордсть **лиятне**.* [5, с.3] ' – Куда милиция смотрит? Где нужно, их нет вовремя! – возмущались **другие**'; ***Эрвась** кочки эстензэ кить-янт. Кавто эйкакит неень икане а трявить...* [5, с.4] '**Каждый** выбирает себе пути-дороги. Двое детей в наше время не прокормишь'; *Вана ютыть зяряя част ды **весемесь** таго ули истя, кода ульнесь икеле...* [5, с.4] 'Вот пройдет несколько часов и все будет так, как было раньше';

венг. *Itt **mindenki** jól tanul.* [9, с.19] 'Здесь **каждый** учится хорошо'; ***Mindegyik** biztosította róla.* [9, с.31] '**Каждый** заверил его в этом'.

5. Кроме этого субъект в рассматриваемых языках может быть выражен субстантивированным наречием, которое в эрзянском языке чаще стоит в форме именительного падежа указательного склонения единственного или множественного числа. Рассмотрим ряд примеров.

эрз. *Кода иля корта – **ламотне** кирдимизь.* [7, с.14] '*Как ни говори – **многие** меня удержали*'; ***Течись** кодаяк а путови сень малас, зярдэ «ламарькс цвелясь саднэва од порам».* [4, с.30] '**Сегодня** никак не сравнишь с тем, когда «словно черемуха в садах цвела моя молодость»'; ***Ластетне** аламось шешксть чувттнэнь ало ды друк каявсть веленть ёнов.* [5, с.42] '**Те, кто были на лошадях**, недолго потоптались под деревом и вдруг ринулись в сторону села'; ***Тосотне** пильгесткак удалов нежелизь, весе вийсэ кирдсть истямо «ули*

паронть». [7, с.5] **’Те, которые были там**, и ногами назад уперлись, всеми силами держали такое «богатство»’.

Следует отметить, что в венгерском языке наречия роль субъекта выполняют намного реже. К. Е. Майтинская отмечает: «Наречия при помощи артикля иногда субстантивируются и тогда могут выступать в функции подлежащего: *A holnapunk szebb lesz, mint a mánk.* **’Наше завтра** будет красивее, чем наше сегодня’ [1, с.131].

Из вышесказанного видно, что в роли субъекта в эрзянском и венгерском языках довольно часто выступают субстантивированные части речи. В предложении они заменяют имя существительное. В исследуемых языках прежде всего субстантивируются причастия, прилагательные и числительные, а в эрзянском и наречия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Майтинская К. Е. Венгерский язык. – Ч. 3. Синтаксис. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. – 375 с.
2. Мишина С. А. Способы выражения и семантические функции субъекта в мордовских и финском языках: учеб. пособие. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2009. – 80 с.
3. Моторкина С. Г. Читаем по-венгерски. *Magyarul olvasunk.* – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2006. – 92 с.
4. Сятко: лит.-худож. и обществ.-полит. журн. [Саранск]. – 2001. – №6.
5. Сятко: лит.-худож. и обществ.-полит. журн. [Саранск]. – 2004. – №8.
6. Сятко: лит.-худож. и обществ.-полит. журн. [Саранск]. – 2012. – №7.
7. Сятко: лит.-худож. и обществ.-полит. журн. [Саранск]. – 2012. – №8.
8. Эрзянь кель. Синтаксис: тонавтнемапель / Н. А. Агафонова, Р. А. Алешкина, Г. Ф. Беспалова [ды лиятне]; анокстазь Д. В. Цыганкинэнь ветямонзо ало. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2011. – 208 с.
9. Szabó M. Abigél. – Budapest : Móra Könyvkiadó, 1997. – 166 old.

ЖЕБРАТКИНА И. Я.
СУФФИКСЫ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В АЛЁКСОВСКОМ ГОВОРЕ
МОКШАНСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В статье рассматриваются формообразующие и словообразующие суффиксы прилагательных, используемые в алёксовском говоре мокшанского языка.

Ключевые слова: говор, суффикс, основа, качественные прилагательные, относительные прилагательные.

ZHEBRATKINA I. Ya.
ADJECTIVE SUFFIXES IN ALYOKSOVSKIY DIALECT OF MOKSHA LANGUAGE

Abstract. This article considers the form- and word-building adjective suffixes used in the Alyoksovskiy dialect of the Moksha language.

Keywords: dialect, suffix, stem, qualitative adjectives, relative adjectives.

В алёксовском говоре мокшанского языка имена прилагательные по своей структуре могут быть как непроеводными (od «молодой», s'ir'e «старый», akša «белый», ul'e «серый», šura «редкий», s'id'e «частый», l'ere «мягкий», ič'ke «толстый»), так и производными.

Производные прилагательные образуются при помощи суффиксов, которые можно разделить на две группы: формообразующие и словообразующие.

Формообразующие суффиксы присоединяются к основе прилагательного, придавая ему дополнительный оттенок. Таких суффиксов у прилагательного немного. Во-первых, это оценочный суффикс с уменьшительно-ласкательным значением **-n'e / -ke**, выступающий в двух вариантах: kerî «горький» – kerî-n'e «с горчинкой», s'iber' «хороший» – s'iber'-n'e «хорошенький», alne «низкий» – alne-ne «низенький», lambama «сладкий» – lambam-n'e «сладенький», s'in'əm «голубой» – s'ən'əm-n'e «голубенький», akša «белый» – akšə-n'e «беленький», od «новый» – od-n'e «новенький», osal «худой» – osal-n'e «худенький», salu «солёный» – salu-n'e «солёный»; š'ejf «подгорелый» – š'ejf-ke «подгорелый» (ласкательная форма), g'ezf «поджаристый» – g'ezf-ke «поджаристый» (ласкательная форма). Во-вторых, это синонимичные суффиксы **-ana, -aza**, выражающие неполноту качества: kos'ke «сухой» – kos'k-ana / kos'k-aza «суховатый», ič'ke «полный» – ič'k-ana / ič'k-aza «полноватый», l'it'ke «влажный» – l'it'k-ana / l'it'k-aza «влажноватый» (ср.: центр.: kos'kə-ana / kos'kə-aza, šobda-ana / šobda-aza, eč'kə-ana / eč'kə-aza). В некоторых прилагательных они утратили значение неполноты качества и срослись с корнем: орана «душный», pargana «пушистый», kut'ana «коренастый».

Однако в исследуемом говоре суффиксы **-ana**, **-aza** присоединяются не ко всем прилагательным. В этом случае для выражения неполноты качества используется заимствованная частица **kək** «как будто, будто»: **kək salu** «соленоватый», **kək kil'me** «холодноватый», **kək oc'u** «большеватый», **kək jolma** «коротковатый», **kək šovda** «темноватый» и др. В отдельных прилагательных со значением вкуса или цвета форму неполноты выражают непродуктивные суффиксы **-št**, **-čt**, **-lt** с последующим глаголом **mol'i**: **s'ere** «горечь» – **s'er-št mol'i** «горьковатый», **s'in'əm** «синий» – **s'in'-čt mol'i** «голубоватый», **riž'e** «зелёный» – **riž'ə-lt mol'i** «зеленоватый».

С помощью словообразующих суффиксов образуются прилагательные от других частей речи: существительных, наречий. Для качественных и относительных прилагательных словообразующие суффиксы дифференцированы [1, с.92].

В алёксовском говоре качественные прилагательные образуются при помощи суффиксов **-av**, **-u**, **-i**, которые присоединяются к основе существительного. Их агглютинация происходит по законам сингармонизма: **-av** присоединяется к основам, оканчивающимся на гласные **а, э**; **-u** – на велярный согласный; **-i** – на палатальный согласный, например: **lora** «лист» – **lor-av** «лиственный», **s'orma** «крапинка» – **s'orm-av** «пёстрый», **var'e** «дыра» – **var'-av** «дырчатый»; **sal** «соль» – **sal-u** «соленый», **ərdas** «грязь» – **ərdaz-u** «грязный», **pavas** «счастье» – **pavaz-u** «счастливым», **lov** «снег» – **lov-u** «снежный»; **puR'c** «поросёнок» – **puR'cu** «супоросая (свинья)», **t'iš'e** «трава» – **t'iš'-u** «травянистый», **vaj** «масло» – **vaj-i** «масляный», **s'ere** «желчь, горечь» – **s'er-i** «горький», **kil'e** «ширина» – **kil'-i** «широкий».

В исследуемом говоре встречается небольшая группа качественных прилагательных, образованных от архаичных суффиксов: **-r**: **takə-r** «ровный, гладкий», **kičkə-r** «кривой», **šamə-r** «хромой»; **-z'e**: **vala-z'e** «скользящий»; **-ka / -ke**: **kva-ka** «длинный», **sta-ka** «тяжелый»; **kos'-ke** «сухой»; **-la**: **nāv-la** «склизкий», **nov-la** «ленивый»; **-na / -n'e**: **poča-na** «рассыпчатый», **al-n'e** «низкий», **šva-n'e** «тонкий»; **-ma**: **kəg-ma** «дотошный, щепетильный», **jakša-ma** «холодный». Несколько непродуктивных суффиксов образовали качественные прилагательные от глагольных основ: **-s'e**: **peš'kəd'əms** «наполнить» – **peš'k-s'e** «полный»; **-ada**: **pan'd'ž'əms** «открыть» – **pan'd'ž'-ada** «открытый».

Относительные прилагательные образуются с помощью суффикса **-n'**. В качестве производящей выступает: а) основа существительного: **vil'ə-n'** **ig'ej** «деревенский житель», **raks'e-n'** **gelda** «полевой клоп», **kudən'** **pt'ica** «домашняя птица», **raks'e-n'** **ban'čf** «полевой цветок»; времени: **talə-n'** **vi** «зимняя ночь», **il'ed'ə-n'** **gul'e** «вечерняя новость», **kizə-n'** **ž'i** «летний день»; **šuftə-n'** **gud** «деревянный дом», **kəg'pic'ə-n'** **mazənka** «кирпичная мазанка», **l'əkše-n'** **jam** «гречневая каша», **š'už'er'ə-n'** **gara** «соломенная копна»; **mokšə-n'** **mor** «мокшанская песня», **ig'd'z'e-n'** **nar'at** «эрзянский наряд», **narodə-n'** **bas'n'e** «народная сказка»;

šaba-n' bat'inka «детский ботинок», graməžə-n' biza «пчелиное гнездо»; б) основа наречия (места и времени): is'akə-n' vas'əd'əma «вчерашняя встреча», t'ečijə-n' jalga «сегодняшний друг», ičkəz'd'ə-n' gul'e «дальнее известие», vandijə-n' ž'i «завтрашний день».

В алёксовском говоре много прилагательных, заимствованных из русского языка. В заимствованных прилагательных -oj под ударением сохраняется: tərdavoj «трудо­вой», səlatoj «золотой»; в безударной позиции вместо -ij / -ij произносится -aj: opətnaj «опытный», akt'abər'skaj «октябрьский», gabočaj «рабочий» и т. д.

Итак, в алёксовском говоре мокшанского языка в качестве формообразующих суффиксов прилагательного используются: -n'e / -ke; -ana, -aza; -št, -čt, -lt; для образования качественных прилагательных: -av, -u, -i; -r, -z'e, -ka / -ke, -la, -na /-n'e, -ma, -s'e, -ada; для образования относительных прилагательных – -n'.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мокшень кяль. Морфология / под ред. Н. С. Алямкина. – Саранск, 2000. – 236 с.

ЖЕБРАТКИНА И. Я.
ОБРАЗОВАНИЕ ДЕЕПРИЧАСТИЙ В ПШЕНЕВСКОМ ГОВОРЕ
МОКШАНСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В статье рассматривается суффиксальное образование деепричастий в пшеневском говоре мокшанского языка.

Ключевые слова: говор, мокшанский язык, деепричастие, суффикс, основа.

ZHEBRATKINA I. Ya.
ADVERBIAL PARTICIPLE FORMATION IN PSHENEVSKII DIALECT
OF MOKSHA LANGUAGE

Abstract. This article considers the suffixal formation of the adverbial participles in the Pshenevskiy dialect of the Moksha language.

Keywords: dialect, Moksha language, adverbial participle, suffix, stem.

Деепричастие – неизменяемая форма глагола, обозначающая второстепенное добавочное действие, примыкающее к главному действию. Деепричастие совмещает в себе признаки глагола и наречия [2, с.177].

Пшеневский говор, по диалектной классификации Г. С. Ивановой, относится к юго-восточному диалекту [1, с.27], а по классификации А. П. Феокистова – к юго-восточному диалекту мокшанского языка [3, с.83].

В рассматриваемом говоре в образовании деепричастий принимают участие суффиксы -z', -msta, -da, -mэк.

Самым продуктивным является суффикс -z', который образует деепричастия от всех глаголов: mol's't' koRn'эз' «шли разговаривая», š'ud'эs ž'ol'n'ez' «текла журча (о воде)», las'ks' komət'n'эз' «бежал подпрыгивая».

Для выражения интенсивности действия основой для некоторых деепричастий может служить основа основного глагола: kš't'iz' kš't'imс «танцую танцевать», pan'd'ž'эз' ban'd'ž'эms «цветя цвести».

Множественность или длительность действия выражается: а) повторением деепричастия на -z' дважды: ž'ol'n'ez'-ž'ol'n'ez' «журча-журча», koRn'эз'-koRn'эз' «разговаривая-разговаривая»; б) присоединением к деепричастию деепричастной формы от глагола t'ijэms «делать»: koRn'эз'-d'ijэз' «разговаривая (букв.: разговаривая-делая)», ср.: рус. «между разговорами»; гаҫs'эз'-d'ijэз' «смеюсь (букв.: смеюсь-делая)», ср.: рус. «между смехом».

При образовании отрицательной формы с помощью частицы арак деепричастный суффикс -z' заменяется на суффикс -t' или -k: суффикс -t' присоединяется к основам, оканчивающимся на согласный: арак š'aR'kət't' «не понимая», арак vatt «не смотря», арак putt «не сажая», арак kir't't' «не сдерживаясь»; суффикс -k – к основам, оканчивающимся на гласный и согласные g, k: арак ir'ak «не живя», арак sodak «не зная», арак tonafn'ək «не учась», арак s'olkk «не закрывая», арак valkk «не спускаясь». При отрицательной частице af суффикс деепричастия не изменяется: af jer'askadəz' «не торопясь», af s'aləndəz' «не ругаясь».

Суффикс -msta образует деепричастия от основы любого глагола, при этом наряду с сопутствующим действием такие деепричастия выражают признак глагола относительно времени совершения действия: koRn'əme (məz'arda?) samsta «беседовали (когда?) возвращаясь», rabotan' (məz'arda?) saranckajsa ir'amsta «работал (когда?), проживая в Саранске».

Деепричастия на -msta принимают лично-притяжательные суффиксы, выражающие лицо производителя действия или носителя состояния: ir'amstən «во время моего проживания», ir'amstət «во время твоего проживания», ir'amstəndza «во время его проживания», ir'amstənək «во время нашего проживания», ir'amstənənt «во время вашего проживания».

Частица af образует отрицательную форму деепричастий на -msta: af tonafn'əmstə, af tonafn'əmd'ə mil'ə t'en' golga ašəme koRn'e «ни во время учёбы (букв.: учась), ни после учёбы (букв.: учась) об этом не говорили».

Деепричастные формы на -mok в рассматриваемых говорах имеют достаточно широкое распространение. Они свойственны только отдельным говорам юго-восточного диалекта, откуда были культивированы и в письменно-литературный язык [3, с.84].

Деепричастия на -mok, как и деепричастия на -msta, обозначают признак глагола по отношению ко времени совершения действия, например, признак деепричастия а) предшествует основному действию: kajamək pən'd'ž'akəz'ən', səvan' «сняв пиджак, я зашёл», kadəmək t'ivc'ən', tut' «оставив дело, ты ушёл», samək, af jukstams bə t'en' «придя, не забыть бы об этом»; б) совершается одновременно с основным действием: əg'vaks səRkamək, tumandada «собираясь замуж, подумайте».

В пшеневском говоре имеется группа деепричастий с суффиксом -da, образуемых от непродуктивных глаголов со значением «находиться в каком-либо положении», отвечающих на вопрос koda? «как?»: aš's'əms koda? ozada «находиться сидя», kočkams koda? komada «собирать как? нагнувшись», koRn'əms koda? s't'ada «разговаривать как? стоя». Отрицательные формы деепричастий на -mək и -da образуются при помощи частицы af: af sodamək «не зная», af s't'ada «не стоя» и т. д.

Таким образом, в пшеневском говоре мокшанского языка деепричастия образуются с помощью суффиксов -z', -msta, -mэк, -da. Больше распространение в говоре имеют деепричастия на -z', -msta. Однако данный говор отличается от остальных говоров мокшанского языка наличием деепричастной формы на -mэк, которая перешла и в письменно-литературный язык.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванова Г. С. Система гласных в диалектах мокшанского языка в историческом освещении. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2006. – 178 с.
2. Мокшень кяль. Морфология / под ред. Н. С. Алямкина. – Саранск, 2000. – 236 с.
3. Феоктистов А. П. Мокшанские диалекты / Н. Paasonens Mordwinisches Wörterbuch = Мордовский словарь Х. Паасонена. – Т. 1: А–Ж. Suomalais-ugrilainen seura. – Helsinki, 1990. – pp. 71-86.

ТИТОВА А. В.

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ФОРМ ОБЪЕКТНОГО СПРЯЖЕНИЯ В МОКШАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. Данная работа посвящена рассмотрению истории возникновения и развития форм объектного спряжения в мокшанском языке. В статье анализируются ряды объектного спряжения в мокшанском языке, выявляются способы и средства их образования.

Ключевые слова: мокшанский язык, глагол, спряжение, объектное спряжение, форма, суффикс.

TITOVA A. V.

ORIGINS AND DEVELOPMENT OF OBJECT CONJUGATION FORMS IN MOKSHA LANGUAGE

Abstract. This article deals with the origins and development of the object conjugation forms in the Moksha language. The author analyzes the series of object conjugation in the Moksha language and identifies the ways and means of their formation.

Keywords: Moksha language, verb, conjugation, object conjugation, form, suffix.

Объектное спряжение глагола представляет собой одну из самых трудных областей мордовского языкознания. Следует отметить, что мордовский тип объектного спряжения является самым полным. Существование особых форм объектного спряжения глагола отмечалось многими авторами грамматик, исследователями мордовских и других финно-угорских языков.

Некоторые сведения по наличию форм объектного спряжения глагола мы находим у Д. В. Бубриха. Им отмечено, что глагол в этом случае обозначает действие переходное и законченное. Установлено, что такие формы в мордовских языках употребляются обычно в условиях, когда объект действия оказывается определенным [1, с.165].

М. Е. Евсевьев отмечал: «Определенное спряжение, или спряжение объективное, состоит в том, что прямое дополнение, выраженное личным местоимением, сливается с личным окончанием глагола, отчего образуются окончания, отличные от личных окончаний безобъектного спряжения, например, *рама-самак* ‘ты купишь меня’, в окончании *-самак* слиты личное окончание глагола 2-го лица тон ‘ты’ и дополнение *монь* ‘меня’» [3, с. 217].

Б. А. Серебренников высказывал предположение о том, что истоки форм мордовского объектного спряжения следует искать в сфере прошедшего времени. Представление о завершенности и результативности действия имплицитно могло содержать в себе представление об определенности объекта действия, поскольку завершение действия и его

результат, естественно, предполагают, что субъект действия в течение известного промежутка времени имел возможность ознакомиться с объектом, над которым производилось действие [6, с.137]. Это обстоятельство, по мнению Б. А. Серебренникова, могло послужить толчком для переосмысления перфекта в ряде уральских языков в новое глагольное время, указывающее на определенность объекта действия.

Объектное спряжение мокшанского языка в некоторой мере отличается от объектного спряжения эрзянского языка. Это отличие наблюдается как в субъектно-объектных окончаниях, так и в количестве времен.

В мокшанском языке формами объектного спряжения обладают переходные глаголы. В них, наряду с передачей наклонения и времени действия, конкретизируется лицо и число субъекта и объекта.

Объектные формы выражают преимущественно значение совершенного действия. Глаголы восприятия могут иметь в данных формах значение как совершенного, так и несовершенного действия.

В зависимости от лица объекта в мокшанском языке объектное спряжение делится на шесть рядов: *монь* ‘меня’, *тонь* ‘тебя’, *сонь* ‘его, ее’, *минь* ‘нас’, *тинь* ‘вас’, *синь* ‘их’: *кадсамак* ‘ты меня оставишь’, *кадтядязь* ‘они тебя или вас оставят’, *кадсазь* ‘они его, ее или их оставят’, *кадсамасть* ‘вы меня или нас оставите’.

В отличие от эрзянского языка, в мокшанском языке объектное спряжение отличается аффиксами и формами времени. В мокшанском языке глагол в прошедшем времени имеет лишь одну форму, а в эрзянском – две: I и II прошедшее время.

В объектном спряжении глагола имеются специфические формы для связи всех трех лиц субъекта со всеми лицами прямого объекта. Для иллюстрации современных форм объектного спряжения приведем парадигму употребления спряжения мокшанского глагола в настоящем времени изъявительного наклонения:

ряд «монь»:

Ед. ч. 2 л. *кундасамак* ‘ты меня поймаешь’

3 л. *кундасамань* ‘он меня поймает’

Мн. ч. 2 л. *кундасамасть* ‘вы поймаете меня’

3 л. *кундасамазь* ‘они поймают меня’.

В ряде «монь» отсутствует 1-е лицо, так как комбинации *мон* – *монь* ‘я – меня’ и *минь* – *монь* ‘мы – меня’ были бы бессмысленны. В мокшанском языке здесь не различаются по числам субъекта и объекта формы множественного числа 2-го и 3-го лица. Суффикс 2-го лица множественного числа *-самасть* выражает:

а) 2-е лицо множественного числа субъекта и 1-е лицо единственного числа объекта: *тинь монь содасамасть* ‘вы меня знаете’;

б) 2-е лицо единственного числа объекта: *тон минь тонафтсамасть* ‘ты нас научишь’;

в) 2-е лицо множественного числа объекта: *тинь минь содасамасть* ‘вы нас знаете’ [2, с.302].

Появление ряда *монь* ‘меня’ происходило аналогично появлению ряда *сонь* ‘его’. От основы ряда ‘меня – нас’ *кундам* под влиянием основы ряда ‘его – их’ *кундаса* возникла новая основа *кундама*, которая затем получила вид *кундасамак*, где показатель **-са** проник из ряда ‘его’, а **-к**, показатель субъекта действия, взят из формы 2-го лица повелительного наклонения [4, с.8].

Формы 3-го лица единственного числа *кундасамань* также возникли на основе формы 1-го лица единственного числа ряда ‘его’ *кундаса*. При этом показатель субъекта **-нь** появился по аналогии с соответствующей формой прошедшего времени *кундамань* ‘он меня поймал’.

Формы 2-го лица множественного числа могут быть выведены из основы 3-го лица единственного числа объекта ‘его’. Мокшанская форма *кундасамасть* образовалась по аналогии с соответствующей формой прошедшего времени, сравним: *кундасамасть* ‘вы меня поймали’ и *кундасамасть* ‘вы меня поймаете’.

Формы 3-го лица множественного числа возникли также от основы *кундаса* по аналогии с соответствующей формой прошедшего времени: *кундасамазь* ‘они меня поймали’ и *кундасамазь* ‘они меня поймают’ [4, с.8].

ряд «тонь»:

Ед. ч. 1 л. *кундате* ‘я поймаю тебя’

3 л. *кундатанза* ‘он поймает тебя’

Мн. ч. 1 л. *кундатьядязь* ‘мы поймаем тебя’

3 л. *кундатьядязь* ‘они поймают тебя’.

В данном ряде отсутствуют формы 2-го лица, так как комбинации *тон – тонь* ‘ты – тебя’ и *тинь – тонь* ‘вы – тебя’ лишены логического смысла. Формы 1-го и 3-го лица множественного числа одинаковы. Суффиксы 1-го и 3-го лица множественного числа выражают:

а) 1-е лицо множественного числа субъекта и 2-е лицо единственного числа объекта: *тонафттыдязь* ‘мы тебя научим’;

б) 3-е лицо множественного числа субъекта и 2-е лицо единственного числа объекта: *тонафттыдязь* ‘они тебя научат’;

в) 1-е лицо единственного числа субъекта и 2-е лицо множественного числа объекта: *тонафттядязь* ‘я вас научу’;

г) 3-е лицо единственного числа субъекта и 2-е лицо множественного числа объекта: *няйхтядязь* ‘он увидит вас’;

д) 1-е лицо множественного числа субъекта и 2-е лицо множественного числа объекта: *содатядязь* ‘мы вас знаем’;

е) 3-е лицо множественного числа субъекта и 2-е лицо множественного числа объекта: *кельктядязь* ‘они вас любят’ [2, с.304].

Формы 3-го лица единственного числа *кундтанза* ‘он поймает тебя’ являются разновидностью притяжательных суффиксов. Элемент **-т** является показателем объекта, **-н** – показателем множественности объектов действия. В целом, **-нза** является показателем субъекта действия в глагольных формах. Форма 1 и 3-го лиц множественного числа **-тядязь** образована в результате выравнивания по аналогии друг с другом из основы *кундата* [4, с.9].

ряд «сонь»:

Ед. ч. 1 л. *кундаса* ‘я поймаю его’

2 л. *кундасак* ‘ты поймашь его’

3 л. *кундасы* ‘он поймает его’

Мн. ч. 1 л. *кундасаськ* ‘мы поймаем его’

2 л. *кундасасть* ‘вы поймаете его’

3 л. *кундасазь* ‘они поймают его’.

В ряде «сонь» имеются формы всех трех лиц субъекта единственного и множественного числа. Суффикс **-саськ** выражает 1-е лицо множественного числа субъекта и 3-е лицо единственного и множественного числа объекта: *тонафтсаськ* ‘мы его научим’. Суффикс **-састь** конкретизирует 2-е лицо множественного числа объекта: *содасасть* ‘вы его, их знаете’. Суффикс **-сазь** выражает 3-е лицо множественного числа субъекта и 3-е лицо единственного и множественного числа объекта: *содасазь* ‘они его, их знают’.

ряд «минь»:

Ед. ч. 2 л. *кундасамасть* ‘ты поймашь нас’

3 л. *кундасамазь* ‘он поймает нас’

Мн. ч. 2 л. *кундасамасть* ‘вы поймаете нас’

3 л. *кундасамазь* ‘они поймают нас’.

Как видно, формы ряда «минь» аналогичны личным формам множественного числа ряда «монь» [2, с.304].

ряд «тинь»:

Ед. ч. 1 л. *кундатьядязь* ‘я поймаю вас’

3 л. *кундатьядязь* ‘он поймает вас’

Мн. ч. 1 л. *кундатьядязь* ‘мы поймаем вас’

3 л. *кундатьядязь* ‘они поймают вас’

Формы ряда «тинь» как в единственном, так и во множественном числе совпадают с личными формами множественного числа ряда «тонь» [2, с.306].

ряд «синь»:

Ед. ч. 1 л. *кундасайне* ‘я поймаю их’

2 л. *кундасайть* ‘ты поймаешь их’

3 л. *кундасыне* ‘он поймает их’

Мн. ч. 1 л. *кундасаськ* ‘мы поймаем их’

2 л. *кундасасть* ‘вы поймаете их’

3 л. *кундасазь* ‘они поймают их’.

Суффикс **-сайть** выражает 2-е лицо единственного числа субъекта и 3-е лицо множественного числа объекта: *няйсайть* ‘ты их увидишь’; **-сыне** – 3-е лицо единственного числа субъекта и 3-е лицо множественного числа объекта: *содасыне* ‘он их знает’.

Формы множественного числа ряда «синь» те же, что и во множественном числе ряда «сонь» [2, с.306].

Аналитические конструкции будущего времени в объектном спряжении состоят из вспомогательных глаголов **кармамс** ‘начинать’, **ушедомс** ‘начать’ в безобъектном спряжении и инфинитива основного глагола с лично-притяжательными суффиксами, причем форма вспомогательного глагола выражает лицо субъекта, а основного глагола – объекта: *кармай содамон* ‘будет знать меня’ [2, с.306].

Как уже отмечалось, в отличие от эрзянского языка, в мокшанском языке объектное спряжение отличается аффиксами и формами времени. В мокшанском языке глагол в прошедшем времени имеет следующие формы:

ряд «монь»:

Ед. ч. 2 л. *панемайть* ‘ты меня прогнал’

3 л. *панемань* ‘он меня прогнал’

Мн. ч. 2 л. *панемасть* ‘вы меня прогнали’

3 л. *панемазь* ‘они меня прогнали’ [5, с.140].

Суффикс **-майть** выражает 2-е лицо единственного числа субъекта и 1-е лицо единственного числа объекта; суффикс **-мань** – 3-е лицо единственного числа субъекта и 1-е лицо единственного числа объекта. Суффиксом 2-го лица множественного числа **-масть** выражается:

а) 2-е лицо множественного числа субъекта и 1-е лицо единственного числа объекта:

тинь монь сявомасть ‘вы меня взяли’;

б) 2-е лицо множественного числа субъекта и 1-е лицо единственного числа объекта:

тинь монь тонафтомасть ‘вы нас научили’;

в) 2-е лицо единственного числа субъекта и 1-е лицо множественного числа объекта:

тон минь тонафтомасть ‘ты нас научил’.

Суффикс 3-го лица множественного числа **-мазь** передает:

а) 3-е лицо множественного числа субъекта и 1-е лицо единственного числа объекта:

синь монь сявомазь ‘они меня взяли’;

б) 3-е лицо множественного числа субъекта и 1-е лицо множественного числа объекта: *синь монь содамазь* ‘они нас узнали’;

в) 3-е лицо единственного числа субъекта и 1-е лицо множественного числа объекта:

сон минь содамазь ‘он нас узнал’.

ряд «*тонь*»:

Ед. ч. 1 л. *панихтень* ‘я тебя прогнал’

3 л. *панензе* ‘он тебя прогнал’

Мн. ч. 1 л. *панедязь* ‘мы тебя пргнали’

3 л. *панедязь* ‘они тебя прогнали’ [5, с.140].

Суффиксом **-тень** конкретизируются 1-е лицо единственного числа субъекта и 2-е лицо единственного числа объекта: *андыхтень* ‘я тебя накормил’. Суффикс **-нзе** означает 3-е лицо единственного числа субъекта и 2-е лицо единственного числа объекта: *ванфтонзе* ‘он тебя сберег’.

Суффикс множественного числа **-дязь** выражает: 1-е лицо множественного числа субъекта и 2-е лицо единственного числа объекта: *минь тонь кундадязь* ‘мы тебя поймали’; 3-е лицо множественного числа субъекта и 2-е лицо единственного числа объекта: *синь тонь кундадязь* ‘они тебя поймали’; 1-е лицо единственного числа субъекта 2-е лицо множественного числа объекта: *мон тинь кундадязь* ‘я вас поймал’; 3-е лицо единственного числа субъекта и 2-е лицо множественного числа объекта: *сон тинь кундадязь* ‘он вас поймал’; 1-е лицо множественного числа субъекта и 2-е лицо множественного числа объекта: *минь тинь кундадязь* ‘мы вас поймали’ [2, с.308].

ряд «*сонь*»:

Ед. ч. 1 л. *панине* ‘я его прогнал’

2 л. *панить* ‘ты его прогнал’

3 л. *панезе* ‘он его прогнал’

Мн. ч. 1 л. *панеськ* ‘мы его прогнали’

2 л. *панесть* ‘вы его прогнали’

3 л. *панезь* ‘они его прогнали’ [5, с.141].

Суффикс **-не** конкретизирует 1-е лицо единственного числа субъекта и 3-е лицо обоих чисел объекта: *кандыне* ‘я его, их принес’; суффикс **-ть** – 2-е лицо единственного числа субъекта и 3-е лицо обоих чисел объекта: *ускить* ‘ты его, их привез’; суффикс **-зе** передает 3-е лицо единственного числа субъекта и объекта: *содазе* ‘он его узнал’.

Как и в настоящем времени, в прошедшем времени формы множественного числа ряда «сонь» аналогичны соответствующим формам ряда «синь» [2, с.309].

ряд «минь»:

Ед. ч. 2 л. *панемасть* ‘ты нас прогнал’

3 л. *панемазь* ‘он нас прогнал’

Мн. ч. 2 л. *панемасть* ‘вы нас прогнали’

3 л. *панемазь* ‘они нас прогнали’ [5, с.141].

Формы ряда «минь» в обоих числах совпадают с личными формами множественного числа ряда «монь».

ряд «тинь»:

Ед. ч. 1 л. *панедязь* ‘я вас прогнал’

3 л. *панедязь* ‘он вас прогнал’

Мн. ч. 1 л. *панедязь* ‘мы вас прогнали’

3 л. *панедязь* ‘они вас прогнали’ [5, с.141].

Формы данного ряда в единственном и множественном числе совпадают с личными формами множественного числа ряда «тонь».

ряд «синь»:

Ед. ч. 1 л. *панине* ‘я их прогнал’

2 л. *панить* ‘ты их прогнал’

3 л. *панезень* ‘он их прогнал’

Мн. ч. 1 л. *панеськ* ‘мы их прогнали’

2 л. *панесть* ‘вы их прогнали’

3 л. *панезь* ‘они их прогнали’ [5, с.141].

Во II прошедшем времени в мокшанском языке формы объектного спряжения омонимичны формам сослагательного наклонения [2, с.311].

В мокшанском языке формы объектного спряжения в остальных косвенных наклонениях образуются путем прибавления к личным окончаниям объектного спряжения настоящего-будущего или прошедшего времени изъявительного наклонения показателей соответствующих наклонений.

Наиболее употребительными в эрзянском и мокшанском языках являются три наклонения: изъявительное, повелительное и сослагательное, а остальные чаще заменяются изъявительным наклонением в сопровождении соответствующих частиц или союзов. Например, форма условного наклонения часто заменяется изъявительным наклонением с союзом *кда* ‘если’: *кундандярсамак* ‘если ты поймашь меня’ – *кда кундасамак*.

Таким образом, в данной работе мы проследили историю возникновения форм объектного спряжения в мокшанском языке, подробно рассмотрели парадигму объектного спряжения мокшанского глагола в настоящем времени изъявительного наклонения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бубрих Д. В. Историческая грамматика эрзянского языка. – Саранск: Морд. кн. изд-во, 1953. – 270 с.
2. Грамматика мордовских языков: Фонетика, графика, орфография, морфология / под ред. Д. В. Цыганкина. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1980. – 430 с.
3. Евсевьев М. Е. Избранные труды: в 5 т. – Т. 4. – Саранск, 1963. – 168 с.
4. Матюшкин П. Г. Объектное спряжение глагола в мордовских языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тарту, 1973. – 20 с.
5. Мокшень кяль. Морфология. – Саранск : Красн. Окт., 2000. – 224 с.
6. Серебренников Б. А. Историческая морфология мордовских языков. – М. : Наука, 1967. – 260 с.

РОМАНОВА М. В.

**ВИДЫ ДЕТЕРМИНАТИВНЫХ КОМПОЗИТОВ В ФИНСКОМ ЯЗЫКЕ И
ОСОБЕННОСТИ ИХ ПЕРЕВОДА НА ЭРЗЯНСКИЙ ЯЗЫК**

Аннотация. В статье рассматриваются виды детерминативных композитов в финском языке и способы их перевода на эрзянский язык. В финской грамматике выделяют два вида детерминативных композитов: аппозитивные композиты и композиты-повторы. Основным способом перевода финских аппозитивных композитов на эрзянский язык является калькирование, композитов-повторов – подбор эквивалентов и описательный перевод.

Ключевые слова: сложное слово, композит, детерминативный композит, аппозитивный композит, итеративное сложное слово, калькирование, эквивалент.

ROMANOVA M. V.

**FINNISH DETERMINATIVE COMPOSITES
AND THEIR TRANSLATION INTO ERZYA LANGUAGE**

Abstract. The article considers the types of determinative composites in the Finnish language and the techniques of their translation into the Erzya language. Thus, Finnish grammars distinguish between two types of determinative composites: appositive and iterative compounds. The author suggests the loan translation technique to translate Finnish appositive composites into the Erzya language. As for the iterative compound words, the author suggests the equivalent and descriptive translation techniques.

Keywords: compound word, composite, determinative composite, appositive composite, iterative compound word, loan translation, equivalent.

Как известно, лексический состав языка со временем меняется: из него исчезают значения некоторых слов и даже целые слова, появляются новые лексемы, преимущественно заимствованные из других языков, и создаются совершенно новые слова при помощи различных словообразовательных способов: морфологического, синтаксического, морфолого-синтаксического, лексико-семантического. В финно-угорских языках наиболее широко используется такой словообразовательный способ как словосложение, иными словами, синтаксический способ. В эрзянском и финском языках данный способ считается одним из самых продуктивных. С помощью него в языке образуются сложные слова, или композиты (лат. *compositum*). В лингвистическом энциклопедическом словаре дается следующее определение сложного слова: «Сложное слово, или композит, это слово, которое образовано объединением двух или более основ» [8, с.469].

Согласно связи между компонентами сложного слова в языках различного типа, выделяются следующие виды композитов [5, с.277; 10, с.388; 7, с.93]:

- 1) копулятивные, или сочинительного типа (фин. *summayhdyssanat*);
- 2) детерминативные, или подчинительного типа (фин. *määritysyhdysanat*); их подвид посессивные, или бахуврихи-композиты (фин. *bahuvriihdyssanat*).

Части детерминативных сложных слов объединяются между собой с помощью подчинительной связи. Они состоят из двух или более компонентов, связь между частями семантически несимметричная, например: эрз. *толпандя* ‘костер’, *васонькоморо* ‘горсть’; фин. *autotie* ‘автодорога’, *kädensija* ‘ручка инструмента’.

Определительные композиты (детерминативные), или сложные слова, образованные с помощью подчинительной связи, состоят из двух частей: первый компонент, или определительная часть (*määriteosa*), второй компонент (*edusosa*), который является доминирующим, или главной частью. При подчинительной связи первая часть сложного слова всегда подчиняется второй части и является его определением. Например: фин. *häätmatka* ‘свадебное путешествие’ < фин. *häät* ‘свадьба’ + *matka* ‘путешествие’, здесь слово *häät* является определением, *matka* – главной частью. Значение определительного композита формируется на основе семантики обоих компонентов. Выделяется группа определительных композитов, где сложное слово обозначает тот же вид или класс, к которому относится главная часть. Например: фин. *harmaakarhu* ‘гризли’ – отдельный вид медведя, *juhlapuhuja* ‘ведущий (букв. праздничный оратор)’ – отдельная категория из всех ведущих. Определительная часть ограничивает или уточняет семантику главной части. Другими словами, определительная часть является гипонимом главного компонента, например, финское слово *kirkkaanpunainen* ‘ярко-красный’ на эрзянский язык переводится словосочетанием *пек якстере* ‘очень, ярко-красный’, в котором лексема *пек* ‘очень, ярко’ характеризует и уточняет степень признака главной части; слово *marjapuuronpunainen* ‘красный, цвета ягодной каши’ на эрзянский язык переводится словосочетанием описательного характера *умарькашань кондямо якстере* ‘красный, как ягодная каша’, в обоих языках определительная часть обозначает отдельный оттенок красного цвета.

В финском языке отдельным видом сложных слов подчинительного типа являются композиты аппозитивного вида, например: *tutkijanainen* ‘женщина-исследователь’. Аппозитивный композит – это сложное слово, состоящее из двух существительных, выраженных в номинативе. Связи между частями аналогичные, они характеризуют то же понятие с разных сторон, например: *tutkijanainen* ‘женщина-исследователь’ обозначает как женщину, так и исследователя. От других детерминативных композитов аппозитивные отличаются тем, что определительная часть не ограничивает значение главной части. Однако

встречаются и такие аппозитивные композиты, первая часть которых, как и определительная в детерминативных сложных словах, ограничивает значение композита, например: фин. *lapsinäyttelijä* ‘ребенок-актер’ обозначает только тех актеров, которые являются детьми.

Аппозитивные композиты чаще всего указывают на классификацию людей по какому-либо признаку, например, полу, народности, профессии и т. д. Кроме этого, они выражают также неодушевленные субъекты, например: неодушевленные субъекты: фин. *leipomoliike*, эрз. *кишинь микинема кудо* ‘пекарня-магазин’, фин. *osinkotulo*, эрз. *дивидендэнь само* ‘доход от дивидендов’, фин. *peltoaukea*, эрз. *панжадо тарка, кужо* ‘открытое место’; одушевленные субъекты: фин. *vankikarkuri*, эрз. *тюрьмасто оргодиця*, ‘сбежавший заключенный’, фин. *suomalaisnainen*, эрз. *финнэнь ава* ‘финская женщина’, фин. *miesmatkustaja*, эрз. *цёра путешественник* ‘мужчина путешественник’, фин. *mestarivaras*, эрз. *кол салыця* ‘вор мастер’, фин. *lääkäriytär*, эрз. *мейтерь врач* ‘девушка врач’, фин. *naarastiikeri*, эрз. *авака тигра* ‘самка тигра’, фин. *matosyötti*, эрз. *манямка сукс* ‘червяк приманка’.

Аппозитивные композиты – это постоянно растущий и пополняемый тип сложных слов, отдельная часть из них закреплена в языке, другие же встречаются как единичные образования. Положение компонентов не всегда устойчивое, чаще всего при обозначении одушевленных субъектов они меняются местами, не изменяя значения слова. Например: фин. *Miespolitiikon elämänkaari on erilainen kuin poliitikonaisen.* эрз. *Цёра политикенть эрмозо лия ава политикенть коряс.* ‘Жизнь мужчины-политика другая, по сравнению с жизнью политика-женщины’. Но, все же, не всегда местоположение компонентов изменяется, поскольку, как и у детерминативных композитов, главной, выражающей смысл, частью является последняя.

При выполнении данной работы были рассмотрены основные способы перевода, используемые в современном переводоведении: транслитерация, транскрипция, калькирование, семантический неологизм, эквивалент, функциональный аналог, описательный перевод [1, с.169; 4, с.117; 6, с.37]. При анализе детерминативных сложных слов аппозитивного типа было выявлено, что при переводе финских композитов на эрзянский язык чаще всего используется калькирование, т. е. когда составные части сложного слова переводятся соответствующими элементами переводящего языка с последующим сложением переведенных частей без каких-либо изменений. Например: фин. *tutkijainainen*, эрз. *ава исследователь* ‘женщина-исследователь’, фин. *leipomoliike*, эрз. *кишинь микинема кудо* ‘пекарня-магазин’, фин. *suomalaisnainen*, эрз. *финнэнь ава* ‘финская женщина’, фин. *miesmatkustaja*, эрз. *цёра путешественник* ‘мужчина-путешественник’. Использование этого способа объясняется стремлением переводчиков кратко и однозначно передать значение сложного слова. Кроме этого, использование

калькирования как способа перевода финских композитов на эрзянский язык, объясняется отсутствием соответствующего эквивалента в переводящем языке.

В финском языке подвидом детерминативных композитов являются композиты-повторы. Кроме этого, используется термин итеративное сложное слово (с лат. *iterativus* — повторный, многократный). Композиты-повторы образуются путем редубликации лексемы и функционируют, в основном, в устной речи как неустойчивые и незакрепленные единицы. Чаще всего такое сложное слово по структуре с номинативным или генитивным началом, по значению восклицательное, стилистически акцентированное, например: фин. *ruokaruoka*, эрз. *ярсамодояк-ярсамо* ‘супер еда, фин. букв. еда-еда’, фин. *kirjakirja*, эрз. *книгадояк-книга* ‘фин. букв. книга-книга’, фин. *pikarika*, эрз. *курок-курок* ‘быстро-быстро’. Композиты-повторы – это неформальные, шуточные образования. Они выделяют смысловый прототип. Например: фин. *ruokaruoka*, эрз. *ярсамо-ярсамо* ‘супер еда, фин. букв. еда-еда’ обозначает самую полезную еду, фин. *kirjakirja*, эрз. *книгадояк-книга* ‘фин. букв. книга-книга’ обозначает самую важную книгу.

Сложные прилагательные-повторы усиливают качество предмета, например: фин. *hienohieno*, эрз. *човинеде-човине* ‘тонкий-претонкий’, фин. *pienenpieni*, эрз. *вишкинеде-вишкине* ‘маленький-премаленький’, фин. *uudenuusi*, эрз. *одто-од* ‘новый-преновый’, фин. *karvankarva*, эрз. *теинеде-теине* ‘узкий-преузкий’, фин. *hauskahauska*, эрз. *весёладо-весёла* ‘веселый-превеселый’. По структуре они также с номинативным или генитивным началом. Лексемы с генитивной определительной частью более закреплены в языке. Много устойчивых композитов-повторов среди сложных наречий, например: фин. *häthätä*, эрз. *капшазь* ‘торопясь’, фин. *peräperä*, эрз. *удалояк-удало* ‘далеко сзади’, фин. *pikarika*, эрз. *курок-курок* ‘быстро-быстро’.

При рассмотрении композитов-повторов было выявлено, что чаще всего при переводе финских композитов на эрзянский язык используется подбор эквивалентов, которые близки по структуре, например: первый компонент композита, который придает всей лексеме усилительное значение, в финском языке может употребляться в генитиве, а в эрзянском – аблативе: фин. *pienenpieni*, эрз. *вишкинеде-вишкине* ‘маленький-премаленький’. Также в некоторых случаях используется описательный перевод, который заключается в передаче значения иностранного слова при помощи более или менее распространенного объяснения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева И. С. Введение в переводоведение: учеб. пособие для студ. филол. и лингв., фак. высш. учеб. заведений. – М. : Издательский центр «Академия», 2004. – 352 с.

2. Братчикова Н. С. Финский язык. Справочник по грамматике. – М. : Живой язык, 2010. – 224 с.
3. Вахрос А., Щербаков И. Финско-русский словарь = Suomalais-venäläinen sanakirja / под ред. В. М. Оллыкайнен, И. Сало. – М. : Русский язык, Дигора, 1998. – 816 с.
4. Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). – М. : Изд-во инст. общ. средн. обр. РАО, 2001. – 224 с.
5. Грамматика финского языка: Фонетика, морфология. – М., Л. : Изд-во АН СССР [Ленингр. отд-ние], 1958. – 296 с.
6. Казакова Т. А. Практические основы перевода: учебное пособие. – СПб. : Лениздат; Союз, 2000. – 320 с.
7. Кукушкина Е. А. Типология композитов в эрзянском и немецком языках: дис. ... канд. филол. наук. – Саранск, 2007. – 192 с.
8. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой – М. : Советская энциклопедия, 1990. – 687 с.
9. Alhoniemi A., Agafonova N., Mosin M. Suomalais-ersäläinen sanakirja. – Саранск : Красн. Окт., 2000. – 512 с.
10. Iso suomen kielioppi / Auli Hakulinen et al. – Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2004. – 1600 с.

БОРИСОВА Ю. В.

ТЕМА ИСТОРИИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ МОРДОВСКИХ ДРАМАТУРГОВ

Аннотация. В статье рассматривается эволюция исторического жанра в мордовской драматургии. Анализируется жанрово-тематическая направленность произведений, образная система, также выявляется природа конфликта, обусловленного общественными и историческими процессами.

Ключевые слова: мордовская драматургия, историческая драма, конфликт, персонаж, героико-революционная тематика, историко-биографическая драма.

BORISOVA YU. V.

HISTORY AS A TOPIC IN THE PLAYS OF MORDOVIAN PLAYWRIGHTS

Abstract. The article considers the evolution of the historical genre in Mordovian drama. The author analyses the genre and thematic scope of Mordovian dramatic works, the system of images and the nature of conflict depending on social and historical processes.

Keywords: Mordovian drama, historical drama, conflict, character, heroic and revolutionary topics, historical and biographical drama.

Историческое прошлое является призмой, которая помогает осмыслить настоящее. Постижение истории, стремление к самоосознанию, уяснению своего места в контексте мировой культуры занимает особое место в художественной литературе. Тема истории нашла свое отражение и в творчестве мордовских писателей. Исторические произведения созданы и в прозе, и в поэзии, и в драматургии. Драматические произведения на исторические темы начали создаваться в 1930-х годах. Пьесы «Литова» и «Кузьма Алексеев» П. С. Кириллова, «Как они глушили» К. П. Петровой можно считать единичными в своем роде историческими произведениями того периода. В них «историческое прошлое освещалось в плане фольклорных, народно-эпических, героико-романтических традиций» [1, с.163] С этим трудно не согласиться, потому как, действительно, в первых исторических пьесах, акцент делается не на конкретную личность, а народ в целом. Авторы стремятся показать духовную силу народных масс.

Особенно четко эта тенденция просматривается в драме К. Петровой «Как они глушили», которая вышла на страницах журнала «Сятко» в 1933 году. Драматург поставила перед собой задачу воссоздать эпоху революции 1905-1907 годов. Этот период считается одним из важнейших периодов формирования нового самосознания мордовского народа. И автор стремится передать чувства и настроения народа на этом переломном историческом

момента. «Хотя эта пьеса не получила большого общественного резонанса, она имеет важное значение для развития национальной драматургии как одна из первых попыток проникнуть в историческое прошлое мордовского народа и через борьбу представителей противоположных классов показать рост самосознания мордовского крестьянства в годы первой русской революции», – считает Е. И. Чернов [2, с.17-18].

Пьеса П. Кириллова «Литова» также написана в духе народно-эпической драмы. Только в этом произведении вместо героев-революционеров из мордовского народа мы видим участников крестьянской войны под руководством Степана Разина. Автор пьесы старается показать индивидуальные характеры, которые выступают, в первую очередь, как носители определенных социальных черт эпохи. Нужно отметить, что здесь П. Кириллов опирается на фольклорную традицию. Ему удается гармонично соединить исторические факты и фольклор. Конечно, обращение к фольклорным материалам не могло не отразиться на восприятии произведения. Некоторые сцены «Литовы» пронизаны большим количеством народных преданий, песен, легенд. «Элементы фольклора в драме – средство раскрытия характеров персонажей, приемы развернутого показа чаяний народа» [1, с.76]. Мордовские литературоведы достаточно высоко оценивают роль этого произведения в формировании идейно-эстетических традиций национальной драматургии.

Интерес к исторической теме активизируется в 1970-е и последующие годы, когда на вершину драматического искусства поднимаются такие писатели, как А. П. Терешкин, Г. Я. Меркушкин, А. И. Пудин.

Художественное мышление драматургов во многом эволюционирует. Авторы ищут новые темы, новые способы самовыражения. Обновляются критерии отбора конфликтов и характеров. Теперь драматурги стремятся воссоздать образы конкретных личностей, поэтому, наряду с героико-революционной тематикой, активно развивается историко-биографическая драма. Героями таких произведений становятся незаурядные личности, которые внесли свой вклад в развитие истории. Именно такие характеры появляются на страницах произведений А. П. Терешкина «Крестник его величества» и «В прошении отказать», Г. Я. Меркушкина «Звезда поэта».

Так, например, центральным героем драмы «Крестник его величества» является поэт Александр Полежаев. «Автор стремится показать драму жизни поэта как отражение социально-исторического процесса развития России. Для этого он берет наиболее существенные, типизирующие факты из жизни героя, благодаря которым создается яркий образ и исторически достоверно освещается эпоха царствования Николая I» [1, с.167].

Произведение кажется реалистичным, поскольку в его основу положены события частной жизни и факты истории. Примечательно то, что в образе Александра Полежаева, конкретного лица, отражены лучшие черты передовой русской интеллигенции первой половины XIX века. В личной судьбе и индивидуальных особенностях своего героя А. П. Терешкин показывает отражение истории. Автор заставляет задуматься над тем, как же все-таки неразделимы история и человек.

Но, конечно, достоверное воспроизведение главных исторических событий и лиц еще не говорит о том, что в пьесе нет места художественному вымыслу. Пьесу делает удачной сочетание реальных фактов и художественного вымысла. На это указывает В. Л. Пешонова – «вымысел в пьесе не нарушает её историзма, а углубляет его, придает пьесе и спектаклю большую художественную выразительность» [3, с. 67]. На сочетание факта и вымысла как важного компонента художественного произведения указывал В. Белинский: «верное воспроизведение фактов не возможно при помощи одной эрудиции, а нужна еще фантазия. Исторические факты, содержащиеся в источниках, не более как камни и кирпичи, только художник может воздвигнуть из этого материала изящное здание» [4, с.414].

Другая пьеса А. П. Терешкина «В прошении отказать» – это своеобразная летопись общественно-педагогической деятельности И. Н. Ульянова, который считается просветителем поволжских народов. Сюжет пьесы строится на подлинных фактах, которые были зафиксированы в Симбирской губернии в 70-е годы XIX столетия. Автор рисует картину, сложившуюся в стране после убийства Александра I. Герои пьесы делятся на два лагеря. По одну сторону находится Ульянов и его последователи, которые ратуют за то, чтобы дать путь народам Поволжья к образованию, помочь становлению национального самосознания. В противовес этому выступают представители местной власти, старающиеся подавить идеи и мысли прогрессивно настроенной интеллигенции.

Прежде чем взяться за написание пьесы, А. П. Терешкин много времени провел в архивах. Безусловно, полученные сведения помогли автору достоверно воссоздать события того времени. Е. И. Чернов считает, что: «Такая ориентация на документ усиливает силу драматизма произведения, активизирует внимание читателя к изображаемым событиям, а также способствует более полному раскрытию реальной истории» [2, с.63-64].

Личность масштабную, внесшую значительный вклад в развитие национальной культуры и литературы Г. Я. Меркушкин показал в пьесе «Звезда поэта». В своем произведении драматург рассказывает о частных событиях жизни Захара Дорофеева, одного из зачинателей мордовской литературы, но в тоже время автору удается правдиво воссоздать и исторический фон, на котором складывалась судьба поэта. Точное указание дат и

последовательное развитие действия придает пьесе элементы хроники. Историзм усиливает и то, что автор вводит в сюжет произведения конкретные исторические лица. Так, в списке действующих лиц пьесы мы встретим имена известного мордовского фольклориста М. Е. Евсевьева, выдающегося композитора Л. П. Кирюкова.

Главного героя автор показывает нам с разных сторон. Мы видим годы студенчества Дорофеева, его взаимоотношения с окружающими. Но все-таки драматическое напряжение возрастает в картинах фронтовой жизни поэта, когда в дни Первой мировой войны он был призван в армию и после окончания школы прапорщиков отправлен на фронт.

Таким образом, Г. Я. Меркушкин затрагивает сразу два важных исторических момента. Во-первых, это трудности становления национальной мордовской литературы. И, во-вторых, реальная военная действительность, которая с большей силой обнажила существующие в начале века в России общественные и нравственные противоречия.

В жанре исторической драмы успешно реализуется Александр Пудин – драматург, творчество которого является отличительной особенностью сегодняшней мордовской драматургии. Драматургия А. И. Пудина несколько отличается от драматургии его предшественников. Типы и характеры героев более неоднозначны, отчего усиливается драматизм его произведений. В пьесах драматурга все сложнее. Автор как будто переносит нас в ту эпоху, о которой говорит, но не дает своей оценки ей. Читателю или зрителю самому приходится разбираться в сложных коллизиях драматического сюжета. У А. И. Пудина достаточно много произведений на историческую тематику: «Каназор», «Ой, куница играет», «Четвертая Сибелиуса», «Дон Стефано», «Рубеж», «Михаил Девятаев». Рассмотрим некоторые из них.

Так, в драме «Каназор» автор заглядывает вглубь истории. На сцене разворачиваются события, происходящие в первой половине XIII века, когда у мордвы появились первые политические объединения под властью Пургаса и Пуреша. Образы обоих князей, которые боролись за подчинение мордовских племен, получились разными. У каждого из них было свое видение происходящих событий, таких как борьба за национальную независимость и нашествие татаро-монгольского ига. «Судьбы героев реализуют нравственный идеал автора, воплощают писательскую мысль об ответственной миссии человека и его долге перед эпохой, какое бы место в истории он ни занимал» [1, с.234-235]. Автор достоверно смог передать драматизм того исторического периода, ознаменованного многочисленными междоусобицами и распрями. А. И. Пудин вводит в художественное полотно произведения элементы обрядовых традиций древней мордвы. Несомненно, это придает пьесе особый национальный колорит.

В других своих произведениях А. И. Пудин также затрагивают тему личности и исторического процесса. Например, в пьесе «Ой, куница играет» драматург рассказывает не только о трагической судьбе марийского актера и поэта Кирилла Иванова, но и всей эпохи, в которой жил и творил этот талантливый человек. В пьесах «Четвертая Сибелиуса» и «Дон Стефано» драматург средствами художественной литературы воссоздает образы скульптора Степана Эрзи и композитора Яна Сибелиуса. Автор, используя различные сценические приемы, стремится обрисовать внутреннюю коллизию характера, являющегося носителем высоких нравственных ценностей, глубокой философской мысли, творческого начала в видении жизни, подлинного гуманизма и патриотизма.

В драме «Ой, куница играет» автор на примере судьбы марийского актера и поэта К. Иванова стремится воссоздать трагическую эпоху сталинских репрессий, которая своими страшными жерновами нанесла непоправимый урон национальной интеллигенции Поволжья.

Пьеса воссоздает эпизоды трагической биографии поэта – от детства, которое было нищее и голодное, до звездного часа в кино и литературе и трагической гибели в сталинских застенках. В главном герое произведения прослеживается обобщенно-романтический образ, в котором органически сочетается трудный, зачастую заканчивающийся трагически, жизненный путь представителей творческой интеллигенции многих национальностей, живущих в России.

Эта пьеса является этапным в развитии современной национальной исторической драмы. В ней правда истории раскрывается без искажений, характеры героев несут черты, присущие человеку конкретной эпохи, отчетливо ощущается связь времен, которая так необходима для того, чтобы ошибки, совершенные в прошлом, не были повторены в будущем.

Мордовские драматурги довольно часто пытаются постигнуть закономерности исторического процесса и, как следствие, работают в историческом жанре. Анализируя прошлое, писатели пытаются отыскать ответы на животрепещущие вопросы современности. Историческая драма занимает одно из ведущих мест в национальной драматургии, достоверно воссоздает картины народной истории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонов Ю. Г. Зарождение и пути развития мордовской драматургии. – Саранск, 2012. – 253 с.
2. Чернов Е. И. Годы и конфликты. – Саранск, 1981. – 152 с.

3. Пешонова В. Л. Драматургия 1963–1965 годов // Очерки жанров мордовской литературы (1963-1965 гг.). Труды МНИИЯЛИЭ. – Саранск, 1974. – Вып. 37. – С. 124–138.
4. Белинский В. Г. Избранные сочинения. – М., 1947. – 670 с.

АНТОНОВ Ю. Г., СИДОРОВА М. Ю.

ПРИРОДА КОНФЛИКТА ДРАМЫ С. ФЕТИСОВА «ОСЕННИЕ ЗВЕЗДЫ»

Аннотация. В статье рассматриваются особенности конфликта, образная система драмы С. Фетисова «Осенние звезды». Основное внимание уделяется исторической основе пьесы, использованию документа в построении конфликта произведения.

Ключевые слова: мордовская драматургия, драма, конфликт, коллизия, историческая тема, образ, пьеса.

ANTONOV YU. G., SIDOROVA M. YU.

NATURE OF THE CONFLICT IN S. FETISOV'S DRAMA "AUTUMN STARS"

Abstract. The article considers the features of the conflict and the system of images in S. Fetisov's drama "Autumn Stars". The authors focus on the historical basis of the play and the use of documents for creating the play conflict scenario.

Keywords: Mordovian drama, drama, conflict, collision, historical topic, image, play.

В обращении современной мордовской драматургии к прошлому проявляется не только стремление к расширению жанрово-тематических форм нашей литературы, но и желание актуализировать ее идейно-эстетические искания в художественном осмыслении истории. Исторический процесс в драматургии раскрывается через воспроизведение развития общества и, вместе с тем, через изображение жизни и деятельности выдающихся исторических деятелей, личная судьба которых связана с историческими судьбами нации, народа.

В развитии исторического жанра современной мордовской литературы заметно тяготение к критическим, переломным моментам в истории. Эта особенность вытекает из понимания того, что развитие человечества не является простым эволюционным процессом, что самыми интересными для художника являются эпохи прошлого – эпохи коренных революционных изменений действительности. Предметом исследования писателей становится человеческий характер, находящийся на вершине событий, происходящих в такие моменты истории.

Характерной чертой развития такой темы в драматургии является «устремленность к гармоничному сочетанию подлинного историзма, реальной правды истории и обострившейся потребности извлечь из исторического прошлого уроки, актуальные для современности, осветить день вчерашний опытом сегодняшних мыслей и представлений» [1, с.312].

Конфликт драм на историческую тему определяется столкновением двух лагерей, двух противоборствующих идей в условиях революции, войны. В основе сюжета таких

произведений лежат факты истории. Они, хотя и связаны напрямую с документальной основой, чаще всего берутся в более общем конфликтном срезе социальных противостояний. Реальные исторические лица в них окружаются вымышленными героями. Авторы пьес стремятся к таким художественным обобщениям, которые у читателя и зрителя вызывают реальное представление о нашей истории.

Одним из примеров осмысления истории с таких позиций является драма С. Фетисова «Осенние звезды». В ней воскрешается тревожная атмосфера Гражданской войны.

Обращение к документу в драме С. Фетисова «Осенние звезды» было вызвано стремлением автора «создать объективные картины исторических событий, свободные от предвзятых взглядов и субъективных напластований» [2, с.26]. Делая предметом исторической правды документ, реальный факт, не скрытый в подтексте и вынесенный на поверхность сюжетной коллизии, драматург не только укреплял доверие зрителей и читателей к изображаемым событиям и героям, но и активизировал их непосредственное приобщение к конкретным явлениям исторического процесса.

Сюжет пьесы построен на реальных событиях, происходивших в ноябре 1918 года в селе Лада Саранского уезда Пензенской губернии. Автор пьесы не изменил даже имена и фамилии главных героев. Это – агитатор Анна Лусс, комиссар продотряда Платон Семенов, продармеец Трушин и другие. Документ становится явлением художественного порядка, а рассказываемое обретает статус реального в контексте истории. Именно это обстоятельство «обеспечивает документальному произведению или художественному произведению на документальной основе повышенный интерес у читателей» [3, с.324].

Взяв за основу исторические события, С. Фетисов стремится показать их правдиво и свою пьесу заканчивает тем же, как события разворачивались в действительности, – был спровоцирован мятеж, и продотрядовцы были убиты.

Конфликт пьесы «Осенние звезды» остросоциальный. События драмы разворачиваются на фоне суровой действительности периода Гражданской войны. Основное содержание произведения заключается в показе борьбы за установление новой власти и ликвидацию голода.

Действующие лица резко разделяются на два противоположных лагеря. С одной стороны, защитники революции, поборники новых отношений в обществе – продотрядовцы, с другой – ярые враги новой власти.

Именно столкновение этих сил составляет драматическую коллизию, которую мы видим уже в самом начале пьесы. В село приезжают продотрядовцы. Их расквартирование и поселение комиссара Семенова и агитатора Лусс в доме священника для автора не случайное явление. Здесь автор стремится к раскрытию социального характера драмы. Священник

является ярким противником продотрядовцев. Это борьба двух мировоззрений. Она видна во всем.

Идейным стержнем пьесы и ее основным драматическим конфликтом является борьба, возглавляемая Анной Лусс и Семеновым против зажиточной части крестьян, не желающих сдавать излишки хлеба голодающим.

Действие начинает развиваться с первой же картины с достаточным эмоциональным накалом. Драматизм и напряженность борьбы, сложность ситуации, расстановка противоборствующих сил определены драматургом сразу и четко.

Продотрядовцы пришли в село и разместились в домах крестьян. Комиссар Семенов говорит: «Я разместил продармейцев по одному-два на избу. Крестьянам не будет накладно, а наши товарищи агитационную работу проведут. Каждый со своим хозяином...» [4, с.140]. Здесь автор показывает: чтобы добыть хлеб, надо провести большую разъяснительную работу среди крестьянской массы.

Комиссар Семенов, агитатор Лусс и продармеец Трушин, как мы отметили выше, поселяются в доме священника. Это – экспозиция пьесы. Дальше идет энергичное развитие событий. Столкновение с одним из сознательных врагов продразверстки, священником, носит яркую драматическую выразительность и является эмоциональным стержнем коллизии. Священник, казалось бы, простыми бытовыми проблемами пытается помешать работе продотрядовцев. На самом же деле за всем этим скрывается четко спланированная акция, которая направлена против самой сути продразверстки.

Продотрядовцам пришлось весьма трудно. Они встретились с молчаливым отказом крестьян сдать излишки хлеба. Председатель волисполкома Бурмистров пьянствует, ему нет дела до сдачи хлеба. Зажиточное крестьянство стало саботировать работу отряда.

Продотрядовцы малочисленны, но С. Фетисов показывает как энергично взялись за дело комиссар Семенов и агитатор Лусс. Они активно ведут работу среди населения, убеждают крестьян в правильности политики продразверстки. Именно поэтому они предстают перед нами людьми смелыми, волевыми и решительными.

Достаточно оригинально выписан в драме образ агитатора Анны Лусс. Лаконично, несколькими штрихами рисует С. Фетисов характер идейного борца за новую жизнь, до последнего дыхания оставшейся верной своим убеждениям и принципам.

Это образ сильной, волевой и решительной женщины, преисполненной душевного обаяния. Лусс грамотно разбирается в создавшейся обстановке. Вместе с Семеновым она принимает необходимые решения. В ней угадывается твердый характер человека, посвятившего свою жизнь идеям светлого будущего и до конца следующего намеченной цели.

Интересны в драме взаимоотношения Лусс с Семеновым. Цель у обоих одна, а в методах достижения ее есть существенная разница. Мнение Анны Лусс расходится с мнением комиссара Семенова. Здесь писатель показывает уже другую сторону драматической коллизии. По мнению Лусс, только агитация среди крестьянского населения поможет выполнить задание. Семенов же считает возможным применение силы. В данном конфликте главное место автор отвел Анне Лусс. Ее убежденность непоколебима. В столкновении двух комиссаров продразверстки правой оказывается Лусс. Она твердо убеждена: кто выполняет трудную миссию по доставке хлеба в города, в их поведении не должно быть ни единого пятнышка, марающего саму суть политики продразверстки. Убежденность Лусс не случайна. Она выношена сердцем и под собой имеет твердую почву. Отсюда и ее вера в правоту дела, за которое она борется, непоколебимая уверенность в своих поступках и цена собственной жизни.

Л у с с (*задыхаясь, из последних сил*). Ради нас, ради таких, как вы, темных и обездоленных, мы совершили революцию... Для нас, для детей наших хотим мы построить радостную, светлую жизнь!.. А вы... Вы убиваете нас. За что?.. Она обязательно настанет... Справедливая, светлая... И тогда вы вспомните тех, которые... которые погибли от вашей руки... [4, с.195].

Образ Анны Лусс нарисован драматургом с особым вниманием и заботой. Автор показал эту женщину как в борьбе за идеи, так и в личной жизни. Во взаимоотношениях Анны Лусс с Семеновым проскальзывает не только особая, нежная забота друг о друге, но и что-то большее.

С е м е н о в . Нет! Ты подожди: в другой раз я духу не наберусь... Не думай, я прохвост какой!.. Не слепой – вижу, ты делаешь, чтоб третий обязательно с нами был. Трушина поэтому пригласила на квартиру... Не обижу тебя, любовь моя, Аня!..

Л у с с . Я знала, что ты скажешь это. Но не думала, что это будет сегодня. [4, с.163].

Несмотря на некоторую эскизность и лаконизм, которые в какой-то мере снижают художественную ценность и идейное значение характера, образ Анны Лусс нарисован драматургом удачно.

Не менее значителен в пьесе образ комиссара продармейцев Семенова. Ему присущи черты заботливого и умного человека, самостоятельного и инициативного командира. Все его мысли и заботы сводятся к одному – как можно лучше довести до крестьянства идеи строительства нового мира. Платон Семенов – верный солдат свершившейся революции, убежденный борец за новые идеи, волевой человек.

Интересно разработаны С. Фетисовым второстепенные персонажи пьесы. Наиболее удавшимися являются образы продармейца Трушина и крестьянина Лапочкина. Они

обрисованы автором реально и правдиво. Характеры их в достаточной мере индивидуализированы, носят типические черты и легко запоминаются.

Трушин считает, что борьба за хлеб – это тот же фронт и на нем есть противник, с которым нужно бороться. Суровые обстоятельства требуют от него твердости духа и верного понимания сложившейся ситуации. Трушин в любых условиях не унывает, находит выход. Вера в счастливое завтра – основная черта его характера.

Иной образ создает С. Фетисов, показывая крестьянина Лапочкина. Свою неудовлетворенность жизнью Лапочкин по причине неустойчивости характера топит в водке. Для него необходим толчок, нужна кем-то указанная цель. Таким толчком послужил проезд и действия продотряда. Убедившись в гуманности, чистоте намерений и действий продармейцев, Лапочкин примыкает к ним.

Показывая столкновения представителей различных классов общества, раскрывая борьбу идей, автор никак не мог обойти в своей пьесе образы героев, противоположных продотрядовцам. С. Фетисов рисует их схематично. Наиболее удавшийся образ – это образ священника, которого автор делает главным противником как новой власти, так и продразверстки. Другие социальные силы деревни не находят должного воплощения в пьесе. Драматургу не удалось до конца достоверно показать весь сословный срез российской деревни времен Гражданской войны.

В целом, в «Осенних звездах» С. Фетисов создал запоминающиеся характеры борцов за новые отношения в обществе, действия и поступки которых правдивы и убедительны.

Таким образом, спектр исканий современной мордовской драматургии в произведениях на историческую тематику обогащается. Расширяются тематические границы, критерии отбора характеров и конфликтов обновляются с учетом как общего литературного процесса в России, так и особенностей развития собственно мордовской литературы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бугров Б. С. Герой принимает решение. Движение драмы от 50-х годов. – М., 1987. – 368 с.
2. Бугров Б. С. Русская советская драматургия (1960 – 1970-е годы). – М., 1981. – 286 с.
3. Леонов Б. А. Утверждение: Героико-патриотическая тема в русской и советской литературе. – М., 1988. – 381 с.
4. Фетисов С. Осенние звезды // Произведения мордовских писателей. Драматургия. – Саранск, 1975. – С. 139–195.

ВОЛГАПОВА А. Н., КУЛАКОВА Н. А., РОГОЖИНА В. Ф.

**СПЕЦИФИКА ОТРАЖЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ПОСЛОВИЦАХ,
ПОГОВОРКАХ, ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ В РЕЧИ МОРДВЫ-МОКШИ**

Аннотация. В данной статье отражаются этические культурные ценности в речи мордвы-мокши.

Ключевые слова: культурная ценность, пословица, поговорка, фразеологизм, речь, мокшанский язык.

VOLGAPOVA A. N., KULAKOVA N. A., ROGOZHINA V. F.

**CULTURAL VALUES IN THE PROVERBS, SAYINGS AND PHRASEOLOGICAL UNITS
OF MOKSHA PEOPLE**

Abstract. The article deals with the peculiarities of cultural values presentation in the speech of Moksha people.

Keywords: cultural value, proverb, saying, phraseological unit, speech, Moksha language.

Язык является важнейшим средством человеческого общения, орудием передачи мысли. Одновременно язык выступает в качестве зеркала национальной культуры, её хранителем: языковые единицы, прежде всего слова, фиксируют содержание, которые в той или иной мере восходят к условиям жизни народа – носителя языка.

Национально-культурная семантика языка отражает, фиксирует и передаёт от поколения к поколению особенности фольклора, подробности быта и обычаев народа. Поэтому для любого человека, изучающего язык в полном объёме, важно ознакомиться с национально-культурной семантикой языка и его культурными ценностями [5, с.4].

Этические культурные ценности в речи мордвы-мокши играют немаловажную роль. К культурным ценностям относятся пословицы и присловия. Именно в них, а также во фразеологических сочетаниях определяется поведение людей в семейной и общественной жизни, а также выражается их отношение к труду. Народ очень любит свои остроумные и поучительные изречения за то, что они предельно просты, кратки и выразительны по форме, метки и мудры по содержанию.

Пословицы, присловия, поговорки, фразеологизмы широко бытуют в речи и стали её неотъемлемой частью. Их можно встретить и в научных трудах, и в художественных произведениях. И всякий раз умелое использование пословиц, поговорок, фразеологизмов помогает более ярко и образно выразить мысль, раскрыть красоту и точность языка, его

неисчерпаемое богатство. Они делают речь живой и выразительной, краткой, ясной и понятной самым широким массам.

Важнейшим средством регуляции поведения человека в обществе, как известно, является речевой этикет, который представляет собой универсальное языковое явление, присущее всем народам мира, помогающее устанавливать и поддерживать контакт с собеседником. Одним из важных знаков речевого этикета является приветствие, служащее для установления контакта с собеседником, оно символизирует желание начать разговор и играет большую роль в коммуникативном общении. Приветствие – это выражение чувств. Оно относится к тем элементам речевого этикета, которые в первую очередь предназначены для маркирования социальных отношений, устанавливаемых в рамках коммуникативного акта. Выражения приветствия служат для установления контакта с собеседником, задают этикетный тон всему разговору, определяя ситуацию, набор дифференциальных признаков участников диалога и т. д. Единицы речевого этикета стандартизованы, они поступают к говорящим как готовые формулы с определенной синтаксической структурой, определенным лексическим наполнением. Чаще всего в речи мордвы-мокши приветствие содержится в данной поговорке: *Киши-сал – пара вал* [7]. «Хлеб-соль – доброе слово»; *Тейнтъ шумбраши – тейнек сал и киши* [6]. «Вам здоровье – нам хлеб да соль».

Мокшанские пословицы, поговорки и фразеологизмы можно классифицировать по следующим тематическим группам, содержащие отношение к фактору:

1. Речь: *Кодама мяльсь, стама кяльсь* [7]. «Какова мысль, такова и речь»: *Кяльсь Моску пачфттанза* [6]. «Язык до Москвы доведёт»; *Шаба кулхцондат, шаба и улят* [7]. «Дите послушаешь, дитем и станешь». Большое количество пословиц и поговорок зафиксировано в Мокшанско-русском словаре: *Кяльса строяй ош, а кядьса аф тиеви кош* [3, с.452]. «Языком строит города, а руками не построить и шалаша»;

2. Знание: *Сисемксть ункстак (мерак) – вестъ керк* [6]. «Семь раз отмерь – один раз отрежь»; *Кие лама тонафни, ся лама и содай* [2, с.191]. «Кто много учится, то много и знает»; *Тевсь аф содави – карьге аф кодави* [2, с.191]. «Без знания и лапоть не сплетёшь»; *Масторть валдопнесы шись, ломанть – содамошись* [2, с.193]. «Земля солнцем освещается, человек наукой просвещается»; *Мезе тонадоть шабакс – саты мянь атякс-бабакс* [2, с.193]. «Что усвоил в детстве, не забудется и в старости».

3. Этикет (*добро, зло*). В мордовской семье детей с малых лет учили проявлять сострадание и милосердие, оказывать помощь одиноким и престарелым. Доброта считалась одним из лучших качеств. *Пара тият – пара няят* [7]. «Добро добром воздастся

(букв.: добро сделаешь – добро увидишь)»; *Тят пеле сталмонь кандома, а пельхть лянди лездомань аф юкстама* [6]. «Не бойся трудностей, а бойся не забыть о помощи другим».

В мокшанской семье осуждалось зло. Данное понятие выражается такими пословицами и поговорками: *Кяжи валсь, кода сельмос салсь* «Злое слово – соль в глаза» [2, с.199]. *Казада пельхть ингольде, лишмода – фталда, а кяжи ломаньда – сембе ширде* «Козла бойся спереди, коня – сзади, а злого человека – со всех сторон» [2, с.20]. *Кяжи ломаньда пинеське пели* «Злого человека и собака боится» [7]. *Кяжись весяла шураста улэнди* «Злой веселым редко бывает» [6].

4. Семья. По мнению Н. А. Кулаковой, в мордовской семье особое место занимало воспитание таких нравственных качеств как: трудолюбие, честность, справедливость, доброта, взаимопомощь и другие [1, с.101]. Рассмотрим мокшанские пословицы и поговорки по вышеназванным подгруппам:

а) трудолюбие: *Кие лама покоди, сянь некоц топоди* [6]. «Кто много работает, тот хорошо живет (букв.: у того живот насытится)»; *Кие кода покоди, ся станя топоди* [7]. «Кто как трудится, так и ест»; «*Кизонь шись тяла анттанза; Кизонь шись тяла тряй*» [7]. «День – год кормит (букв.: летний день зиму кормит)»; *Лямбе кизоть удосак, эсь пряцень сюдосак* [7]. «Теплое лето проспийшь, себя проклянешь»; *Кържа корхтак – лама тик* [6]. «Меньше говори – больше делай»;

б) справедливость: *Коса правдась аварди, тоса кривдась пееди* [2, с.112]. «Где правда плачет, там кривда смеется»; *Тят вешенде видеши ляннь эзда, кьда эсь эсот сон аш* [2, с.112]. «Не ищи правду у других, если сам не правдив».

Из этических пороков в мокшанских пословицах и фразеологических сочетаниях осуждается:

а) лень: *Васькат, васькат – тонць сяда куро ласькат* [7]. «Надеешься, надеешься, сам быстрее сделаешь»; *Пори, пори – копорьтинге пови* [6]. «За чужой счет живет, живет (букв.: ест, ест) – по спине получит»; *Кядьцень аф венептьсак, лавця лангста куцютьке аф сатсак* [2, с. 65]. «Руку не протянешь, так с полки и ложку не достанешь»; *Колмоцесь повсь ава, аф шужярь аф пензя*. «Третья попалась жена, ни рыба ни мясо (букв.: ни солома ни полено)»;

б) жадность: *Ломань кишис аф топодят* [6]. «На чужой каравай, рот не разевай» (букв.: чужим куском не наешься); *Тялонда кядьстонза лов аф анават* [7]. «Зимой у него снега не выпросишь»; *Церькав пряста копейкада комоти* [7]. «С колокольни за копейку выбросится». Как отмечает В. Ф. Рогожина, мокшанская разговорная речь чрезвычайно богата запасами специфической фразеологии [4, с.70]. Например: *Тя ломанть ярмаконза*

каймаса аф къргавихть, а анак кядьстонза, копка аф максы. «Денег у этого человека куры не клюют, а спроси у него, копейку не даст»; *Ся тевсь, церат, ульсь нинге Миколашка оцзорть пингста, – ушедсь атясь азондома, – Кузьминка велеса эрясь козя аля Чалкин, а скупой ульсь – церькав пряста (семишникта) комоти.* «То дело парни, было еще при жизни царя Николая – начал рассказывать старик, – в селе Кузьминка жил богатый мужик Чалкин, а скупой был – за две копейки с колокольни прыгнет»;

в) зависть: *Ломань киши лангс сельме тят кайсе* [7]. «На чужой хлеб не засматривайся (букв. глаз не клади)»; *Ломань тевс тят сельмоде* [6]. «На чужое дело не завидуй»; *Добрай ломанць аварди кенярдемге, а кяжись сельмодемге* [2, с.133]. «Добрый плачет от радости, а злой от зависти»;

г) пьянство: *Эрят, эрят – сиредят, симат, симат – иредят* [7]. «Живешь, живешь – состаришься, пьешь, пьешь – опьянеешь»; *Сон аф сими, аньцек копордай – мъзярс аф тупордай* [2, с. 114]. «Он не пьет, только выпивает и пьяным бывает».

Мордовская речь богата пословицами, поговорками, фразеологизмами. Приведённые примеры свидетельствуют, что в мордовских пословицах, поговорках, фразеологизмах не только критикуются пороки, но и восхваляются добродетели.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кулакова Н. А., Ломшина Е. Н. Формирование нравственных качеств в мордовской семье и их отражение в языке // Роль семьи в сохранении родного языка и национальных традиций: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Саранск, 24-25 апреля 2008 г. / редкол.: Н. И. Мешков (отв. ред.) [и др.]. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2008. – С. 98-102.

2. Самородов К. Т. Мордовские пословицы, присловицы и поговорки. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1986. – 280 с.

3. Мокшень-рузонь валкс. – Мокшанско-русский словарь / под ред. Б. А. Серебренникова, А. П. Феоктистова, О. Е. Полякова. – М. : Дигора, 1998. – 920 с.

4. Рогожина В. Ф. Функционирование фразеологизмов разговорной речи и их семантическая группировка // Финно-угорский мир, 2013. – № 2. – С. 70-77.

5. Фелицына В. П., Прохоров Ю. Е. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения: Лингвострановедческий словарь / Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина // под ред. Е. М. Верещагина, В. Г. Костомарова. – М.: Рус. яз. , 1979. – 240 с.

Говоры Республики Мордовия

6. Адш. Кдш. – село Адашево Кадошкинского района;

7. Аьк. Квл. – село Алькино Ковылкинского района.

БОРИСОВА Ю. В.

ВОЕННАЯ ТЕМА В ДРАМАТУРГИИ АЛЕКСАНДРА ПУДИНА

Аннотация. В статье рассматриваются особенности конфликта, образная система пьес А. Пудина «Рубеж» и «Михаил Девятаев. Последний круг над адом». Основное внимание уделяется анализу образной системы произведений, документальной основе пьес.

Ключевые слова: мордовская драматургия, драма, война, конфликт, коллизия, документ, образ, пьеса.

BORISOVA YU. V.

MILITARY TOPIC IN THE ALEXANDER PUDIN'S DRAMA

Abstract. The article considers the conflict features, the system of images in A. Pudina's plays "Frontier" and "Michael Devyatayev. The Last Circle over the Hell". The author focuses on the system of images and the documentary basis of the plays regarded.

Keywords: Mordovian drama, drama, war, conflict, collision, document, image, play.

Сегодня тема войны остается одной из популярных тем театрального искусства. Драматургия с разных сторон освещала проблемы, окружающие человека во время войны и после нее. Изучив некоторое количество пьес о войне разных авторов, можно прийти к выводу, что сама война как историческое событие является катализатором конфликта произведений о судьбе человека, который не по своей воле был вовлечен в театр военных действий. Показывая страдающих от войны людей, разбитые чувства, погубленную любовь, разрушенные дома и сожженные земли, драматурги хотят сказать, что война как историческое событие несет не только разрушение, но также вызывает самые противоречивые чувства у персонажей.

Эрвин Пискатор пишет, что «с трудом можно найти таких драматургов, которые в пьесах анализируют саму войну как социальное явление, которое необходимо анализировать и исследовать. В основном эти драматурги смотрят на войну только как на неприятное и печальное событие и с легкостью проходят мимо нее, концентрируя внимание только на людях и на условиях военного времени и послевоенного периода» [2, с.136]. С этим трудно не согласиться, поскольку есть немало примеров, когда в пьесах о войне центральное место занимает именно человек с его личным, иногда субъективным, отношением к происходящим событиям. Однако в целом драматургия стремится к художественному синтезу тяжелого военного времени и чаяний человека, оказавшегося в сложной, противоречивой обстановке.

Мордовская драматургия, переосмыслив события Великой Отечественной войны с новых исторических позиций, тоже обращается к теме человека и войны. «Усилия писателей, обратившихся к военной теме, в значительной мере направлены на изучение суровых реалий войны, на восстановление истинного трагизма и величия повседневности. Пьесы повествуют не столько о прошлом, сколько о связи времен, о соотношении духовного опыта, накопленного в годы войны, с опытом сегодняшним» [1, с.240].

Современный и живой взгляд на войну дает мордовский драматург Александр Пудин в своей пьесе «Рубеж». Это произведение служит примером того, насколько точно драматург может раскрыть внутренний мир героя в соответствии с его этическими идеалами и качествами, разделить персонажей по степени духовной зрелости, поведению в ответственные моменты жизни.

Пьеса основана на реальных событиях. Время действия – самые тяжелые месяцы Великой Отечественной войны: осень-зима 1941–1942 гг. В лютые морозы первой военной зимы полуголодные женщины строили оборонительный рубеж в присурских лесах: ставили «ежи», строили надолбы, рыли противотанковые рвы. Об их тяжелой и героической доле, о вкладе в Победу рассказывает в своем произведении Александр Пудин. В пьесе показано как переносят тяготы войны женщины. Данная тематика чем-то сродни тематике спектакля «А зори здесь тихие», поставленного Юрием Любимовым в 1971 году по одноименной повести Бориса Васильева. Но, если в пьесе «А зори здесь тихие» показаны реальные сражения русских девушек с фашистами, показаны сцены кровопролитного сражения и гибели героев в ратном подвиге, то в пьесе А. Пудина все обстоит иначе. Театр военных действий находится за пределами сцены, о боевых действиях мы узнаем только из разговоров персонажей. Война как будто бы идет где-то далеко, но от этого – еще страшнее.

«Драматург по-новому подошел к проблеме войны: в своей пьесе он не изображает ратного подвига солдата, стратегию генералов, батальных сцен, в ней он вскрывает новый, слабо развитый в нашей литературе пласт – трудовая повинность в тылу: строительство различных коммуникаций, торфоразработки и другие. В связи с этим автор определяет свое произведение как «мирная история военного времени» [1, с.241].

Находясь в тылу, герои пьесы не ведут сражений, но они также разделяют тяготы войны наряду с теми, кто сражается на фронте. Персонажи не остаются в стороне от происходящего и совершают свой тыловой подвиг.

Так как все мужчины были отправлены на фронт, на строительство оборонительной линии привлекались женщины, дети, старики – те, кого принято считать слабыми и беззащитными. Герои произведения совершенно разные по характеру, и по-разному

воспринимают тяжелейшие условия военного времени. Так, оказавшаяся на строительстве рубежа ленинградская учительница Ольга отличается от других прямоотой и смелостью характера. Она не ползет за словом в карман и всегда может высказать правду, какой бы горькой она не была. Ольга часто жалуется на тяжелые условия, сомневаясь нужен ли вообще кому-либо этот рубеж, на строительство которого уходит столько сил. Ударница Фима, наоборот, свято верит, что строительство рубежа необходимо. Даже в преддродовой горячке она наравне со всеми продолжает трудиться. Фима, как и многие из тех женщин, чьи мужья, сыновья, отцы ушли на войну, думает, в первую очередь, не о себе, а о солдатах.

Ф и м а. Немец здесь пойдет, где наши мужики схоронятся? Ну, подумай сама. И будут они от фашиста, как зайцы тикать? Вдоль реки [3, с.126].

В этой работе Фима видит большой смысл. Для нее это лишь малая часть того, что они, женщины, могут сделать для своих родных, которые ходят под пулями.

Совсем еще юная Клавдия старается не отставать от всех, хотя видно, что ей тяжело и морально и физически. «На ее хрупкие плечи кроме тяжелого физического труда наваливаются и другие проблемы. Это невинное существо заставляет страдать участковый Юшкин, домогаясь своими похотливыми действиями. Ради достижения своей цели он не гнушается никаких методов: провоцирует мать Клавдии на кражу колхозного зерна, составляет протокол и им шантажирует, доводит до смерти» [1, с.242]. Чистая душа Синички, как называли Клавдию товарищи, была не в силах выдержать удара судьбы.

Юшкин, которого можно считать виновником смерти восемнадцатилетней девочки, прикрываясь благими намерениями, делает все для удовлетворения своих личных амбиций. Участковый тщательно скрывает свое безразличие к судьбе женщин, оказавшихся в тяжелом положении. Он не предпринимает никаких мер, чтобы облегчить участь тружениц, хотя это было в его силах. Никто из женщин, кроме Ольги, поначалу не предполагал, кто таков Юшкин на самом деле.

О л ь г а. Не вспоминай про этого мерзавца. Так и рыщет, как собака. Вынюхивает. Смотрит, кого на крючок свой подсадить да потом использовать. Слышала, девкам прохода не дает?

Ф и м а. Не наговаривай на человека. Хорошо, что у нас участковый свой, богдановский. Как никак, договориться можно [3, с.124-125].

Совершенно иначе показан образ командира отделения трудоармейцев Кобылкина Ивана Христофоровича (Ведуна). Этот добрый, в чем-то даже простоватый, старик проявляет отцовскую заботу практически во всем. В диалоге с Петей, подростком, рвущимся на фронт, чтобы помочь отцу, это наглядно проявляется: «Ты должен к ним как к сестрам

относиться. Бережно. С любовью. Они же милушки... Лебедушки...» [3, с.141]. Эти слова дают исчерпывающую характеристику Ведуна по отношению к женщинам. Даже вроде бы в случайной гибели Юшкина, который попал под обвалившееся покрытие блиндажа, чувствуется участие Ведуна. Он выступает в роли избавителя окружающих от злодея, получавшего удовольствие от издевательств над людьми.

Но, несмотря на столь существенные различия в характерах, перед лицом смертельной опасности все эти люди сплотились для одного дела. В пьесе очень примечательна та сцена, когда девушки расправились с волком, который напал ночью на лагерь трудоармейцев:

Ф и м а. Кажись, мы его так... Голыми руками приглушили, девки.

Тишина.

Е в д о к и я. Мы? Голыми руками?

Ф и м а. Ей-богу... Отяжелел... Держать не могу...

Ф и м а вынимает руку из волчьей пасти, тот сползает на пол.

О л ь г а. Матерый... Но мертвый.

К л а в д и я. Ура! Мы победили! Мы победили!

Ф и м а (устало, но твердо). И так будет с каждым, кто нападет на наш отчий дом [3, с.148].

Эта сцена носит символический характер. Не зря автор вкрапляет ее в тот напряженный момент, когда силы женщин на пределе, когда многие, обессилев от тяжелых работ и недоедания, перестают верить в возможность победы. Эта общая победа над хищником, который олицетворяет врага, дает новый духовный импульс, веру в свои силы.

В своем произведении А. Пудин «вскрывает все стороны сложных и неоднозначных отношений между людьми в тяжелой военной обстановке, показывает истинную картину каторжного труда, нисколько не сгущая краски. Правдивое изображение событий, показ человека во всей совокупности морального и физического состояния – отличительная особенность драмы «Рубеж» [1, с.242-243].

«Рубеж» не единственное произведение Александра Пудина, которое посвящено теме Великой Отечественной войны. Пьеса «Михаил Девятаев. Последний круг над адом», написанная в 2010 году, также повествует о военных событиях. В центре драмы находится военный летчик Михаил Девятаев. В 1944 году его самолет был сбит зенитным огнем над вражеской территорией, летчик оказался в плену. Михаила Девятаева отправили сначала в Лодзинский, затем в лагерь Кляйн-Кенигсбергский, Заксенхаузен. На остров Узедом в Балтийском море в концлагерь Пенемюнде М. Девятаев был доставлен как приговоренный

«судом» к высшей мере наказания. Но ему повезло. В бараке санобработки парикмахер сменил ему бирку узника-смертника на бирку Никитенко Степана Григорьевича, умершего учителя из-под Киева. Так он остался жив. Читатели и зрители узнают о том, какие ужасы пришлось пережить узникам гитлеровского плена. Сторожевые вышки с пулеметами, ров, колючая проволока, ток высокого напряжения, часовые с собаками. За малейшую провинность пленные подвергались зверским истязаниям. М. Девятаев вместе с другими заключенными постоянно думал о побеге. А. Пудин правдиво рассказывает о персонажах произведения, их помыслах и действиях в период подготовки к побегу на самолете в труднейших условиях фашистского концлагеря. На родную землю группа советских храбрецов перелетела 8 февраля 1945 года на бомбардировщике "Хейнкель-111". Самолет вел М. П. Девятаев.

В пьесе А. Пудин делает попытку рассмотреть характер в трагических обстоятельствах, раскрыть природу конфликта, порожденного условиями войны.

Для большинства людей война – это, в первую очередь, страдание и горе. Именно такая мысль прослеживается в военных произведениях Александра Пудина, драматурга, который создал свой особый театр. Его пьесы заставляют думать, размышлять. Может быть, потому, что драматургия А. И. Пудина рассказывает о вечном – о человеческой душе в меняющемся мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонов Ю. Г. Зарождение и пути развития мордовской драматургии. – Саранск, 2012. – 253 с.
2. Пискатор Э. История политического театра / Пер. Сайд Фархуди. – Тегеран, 1995. – 360 с.
3. Пудин А. И. Пьесы: в 3 кн. – Кн. 3. – Саранск, 2007. – 400 с.